Виктор Слипенчук

Звёздный спас

Виктор Слипенчук

Звёздный Спас

«ЗИНЗИВЕР-2000»

2011

Слипенчук В. Т.

Звёздный Спас / В. Т. Слипенчук — «ЗИНЗИВЕР-2000», 2011

Роман «Звёздный Спас» – о людях индиго. Их сверхъестественные способности на фоне надвигающегося глобального краха старого мира дарят нам надежду на новое небо и новую землю. Как посланцы грядущей цивилизации они ищут своё место в нашем меняющемся мире. Для них это связано с чисто человеческими страданиями – ты не такой, как все. Спасут ли они нас, обычных людей? Или мы их отторгнем? Ясно одно – они уже среди нас. И это обещает возможность спасительного союза.

© Слипенчук В. Т., 2011
© ЗИНЗИВЕР-2000, 2011

Содержание

Пролог 6
Часть первая 9
Глава 1 9
Глава 2 15
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 27
Глава 6 32
Глава 7 34
Глава 8 38
Глава 9 40
Глава 10 43
Глава 11 46
Глава 12 49
Глава 13 52
Глава 14 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Виктор Слипенчук
Звёздный Спас

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Не ищите чудес – их нет.
Ищите знание – оно есть.
Всё, что люди зовут чудесами,
есть только та или иная степень знания.
Тибетская мудрость

Пролог

В почтовом ящике лежал необычный компакт-диск, в целлофановом пакетике величиной в спичечный коробок. Диск и пакетик были настолько прозрачными, что возникала иллюзия, будто они сделаны из воздуха. Однако стоило прикоснуться к нему, как отсвет от диска стал настолько тёмно-сапфирным, словно вдруг пролилась ночная синь.

Наверное, кто-то ошибся адресом или реклама, подумал Кеша.

На лестничную площадку друг за другом поднялись две загадочные личности: женщина, наголо стриженная, в каком-то тёмно-синем лапсердаке, и заросший мужчина в сосульчатом малахае. От мужчины, когда он остановился, повеяло не то застарелым винным перегаром, не то нафталином. И ещё, переступая с ноги на ногу, он так громко звякал подковками тяжёлых ботинок, что Кеша решил не задерживаться на площадке, а ознакомиться с диском в своей квартире.

Заново разглядывая диск, он опять подумал, что кто-то ошибся адресом, но всё же вставил его в компьютер и чуть-чуть прибавил звук. В последнее время новогодняя реклама перебивалась популярными хитами. Но нет, он стал как бы слушателем доклада на форуме, касающемся земных цивилизаций.

«Человек – это космическая субстанция, и, тем не менее, кроме дарвинизма, он не создал подобной стройной теории о своём появлении на Земле. Более того, он никогда всерьёз не рассматривал гипотезу о Земле как о питомнике по разведению духовно и нравственно чистых людей. Человек погряз в деньгах, коррупции и не замечает, что новые люди (назовём их индиго) уже здесь, среди нас. А между тем в Библии сказано:

“Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали *их* себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь: не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди” (Бытие 6, 1–4).

Когда человек был делегирован на Землю, его не пугали пространства и одиночество, напротив, он вдохновлялся ими. Порядок и техническое совершенство на материнских планетах, благодаря которым всё было доступно (даже не надо было пошевелить пальцем), ему наскучили. Он утрачивал свою материальность. Для него было откровением созерцать землян-аборигенов. Он вдруг прозрел, что удовлетворению потребностей тела вовсе не нужны грандиозные сооружения и аппараты, которые поглощают его существо. И он устремился на Землю. И не оттого он брал дочерей земных в жёны, что они красивы, а потому, что находил в первозданности красоту.

Первые цивилизации пращуров не оставили следа не потому, что их не было, а потому, что были экологически чистыми и самоуничтожались. Прервав подпитку от материнских планет, они взяли строительным материалом камень, песок, глину. Остатки некоторых необъяснимых творений археологи находят и поныне. Но сегодня, велик человек или мал в сравнении со своим пращуром, определяется не этими остатками, а уровнем памяти, закодированной и сохранившейся в его теле. В теле как в сосуде – самом древнем и самом стойком. Это трудно постичь, но цивилизации материнских планет, откуда прибыл пращур, сокрыты в нас, мы носим их в себе. Нам расскажут о жизни Вселенной не только полёты в космос, но и погружение в себя самоё. Человек никогда не утрачивал способности перемещаться с планеты на планету, он рождён с этим даром, надо только о нём вспомнить. Но прежде из всех знаний, предоставленных Библией, человеку надо уяснить, что Бог – рачительный Садовник, а люди –

цветы, и даже самые прекрасные из них – лилии – никогда не узнают о Его смерти. Да-да, знать о смерти Садовника лилии не дано».

Резкое вибрирующее скольжение звука и полное молчание. Шелестящее гудение компьютера – и вновь голос:

«Стеклянные мензурки и палочки стеклянные. Блеск искусственных капилляров и искусственной крови в хрустальных сосудах. И ещё, сапфирный перстень, выплёскивающий звёздный пламень. Пламень последней надежды всё искупающей любви. Да-да, отсюда Адам и Ева, и отсюда, конечно, яблоки добра и зла. Но, как и прежде, произрастает в Эдеме дерево жизни, и оно, как и прежде, – светоч для всех людей. Людей, жаждущих возвратиться в некогда утерянный рай. Рай с новыми людьми – это возможно. Да-да, возможно.

Что такое время? Этого никто не знает, это одна из самых сокровенных и оберегаемых тайн Вселенной. И эта тайна всегда за семью печатями, потому что за нею иное время, возможно, бегущее вспять. Нам неведом подлинный возраст Вселенной, для нас она всегда молода, и всегда неизменно прекрасен её наряд. И только по внезапному дуновению солнечного ветерка, в чём-то схожего с полунамёком, приходится строить догадки об истинных формах материи в последовательной смене явлений, называемых временем.

Нет-нет, время – не только и не столько череда каких-то повторов. Время – ещё и яблоки из сада Гесперид и эдемские яблоки. Время невозможно потрогать, но возможно ощутить как пространство современной или ушедшей цивилизации. Время всегда возвращается к своему началу, но на другой ступени понимания».

И опять вибрирующее скольжение звука и полное молчание, усиленное шелестящим гудением компьютера. И вновь голос, но уже другой, женский:

«Это началось с первым появлением астероида Фантом в 2008 году, как раз накануне мирового финансового кризиса. Его называют в народе Фантомасом».

– Позвольте-позвольте, а сейчас какой год? – поинтересовался любопытствующий мужской голос.

«В 2029 году астероид вдруг вновь появился со стороны Солнца. Его заметили в тридцати тысячах километров, когда он уже сбил несколько спутников и удалялся от Земли».

– Позвольте-позвольте, я настаиваю – сейчас на дворе какой год? – опять возник мужской голос.

«Поймите, в 2036 году впервые даже скальные кремниевые породы планеты стали раскалываться и раздвигаться, не имея на то никаких видимых причин».

– Позвольте-позвольте?!

Послышалось осторожное бульканье.

Такое впечатление, будто наполняют рюмки. Кеша усмехнулся – тайное философское общество, мистерия, школа?!

И сразу, без всякого логического перехода, весёлый бодрый голос сообщил, что Всемирная Интернет-паутина prim.ru приглашает всех желающих на совместную встречу Нового года. Предлагаются: дискотека, фокусы и фейерверки. Сбор возле главного корпуса сельскохозяйственной академии в двадцать ноль-ноль.

И опять с механической монотонностью докладчика, читающего по бумажке, прозвучало оповещение, что до времени «Х», пересечения орбит Земли и гигантского астероида Фантом (неофициально – Фантомас) осталось… (Сколько осталось – шум сипящего микрофона заглушил.)

«По решению стран Совбеза ООН, во избежание паники населения вся информация о Фантоме считается конфиденциальной и подлежит огласке в средствах массовой информации только с разрешения службы СОИС[1]».

Затем шёл длинный перечень стран и процентный рост суицидальных явлений, уже обнаруживающий прямую зависимость от приближения времени «Х».

Больше на компакт-диске ничего не было. Создавалось впечатление, что приглашение на новогодний праздник записали по ошибке на уже использованный диск. Поэтому недолго думая Кеша вынес его в коридор и положил на полочку поверх почтовых ящиков. Он был уверен, что адресат найдётся.

[1] Служба охраны интеллектуальной собственности

Часть первая

Глава 1

Иннокентий Иннокентьевич Инютин, или попросту Кеша, вернулся домой четвёртого числа месяца тебеф. Все четыре дня новогодних торжеств он провёл на явочной квартире своей возлюбленной. Конечно, никакой явочной квартиры не было, то есть не было вообще никакой квартиры. Была коммуналка из трёх комнат, так сказать семейное общежитие. Обыкновенное, покосившееся, на деревянных сваях, под которым находился дровяной склад. В помещении общежития имелись три окна, почти вывалившиеся наружу, – даже постоянные жильцы (три подружки) побаивались ходить под ними. Это было видно по натоптанной тропке, опасливо оббегающей рискованное пространство.

Кеша прошёл по снегу напрямую к лестнице. Но не потому, что ничего не боялся (он действительно не боялся). И даже не потому, что таким образом мог загодя удовлетворить своё любопытство – увидеть бóльшую часть ветхого помещения. Главным было его внутреннее сопротивление обстоятельствам: и в мыслях, и в словах, и в действиях. Впрочем, сам он этого не понимал. Относил свои действия и определения наподобие «месяца тебеф» и «явочной квартиры» к чувству юмора и иронии, которые, несомненно, присутствовали, но не преобладали. В нём преобладала жажда противоречия, какое-то инстинктивное желание вырваться из круга, как он говорил, замызганной и замшелой повседневщины. Во всяком случае, он хотел как-то приподняться над нею.

Возлюбленную звали Фива, что в переводе с греческого – светлая. Наверняка все знакомые называли её Фифой.

В общем, Кеша обозвал Фиву Фифочкой. Опять же не потому, что она была вызывающе одета и вела себя соответственно, – вовсе нет. Просто так само получилось – для удобства произношения.

Когда Кеша познакомился с нею и назвал Фифочкой, она поправила его. Но не на дискотеке, а на следующий день, утром, когда ещё лежали в постели.

– О, Фифочка! – горячо лобызая её грудь, шептал Кеша.

Он весь дрожал, он не верил свершившемуся «счастью». Она вполне могла высвободиться из его объятий ещё вчера, но не высвободилась. А когда, как говорится, поезд ушёл и никакие выяснения отношений уже не имели того особого смысла, она вдруг сказала (нет, не сказала, а одёрнула Кешу):

– Какая я тебе Фифочка? Я – Фива Кенхрейская!

– Кент-хренская?

– Да не Кент-хренская, а Кенхрейская!

Это была такая странная и неожиданная поправка, что Кеша растерялся, не знал, что подумать. То есть он подумал, что она ему грубит. Так сказать, поздно опомнилась, запоздало машет крыльями.

Однако что произошло, то произошло, самодовольно подумал Кеша. Теперь, сколько ни маши, а случившегося не отменишь.

И вдруг он почувствовал, что девушка, с которой он занимался любовью, плачет. Чтобы удостовериться, он прильнул к ней, и она, осознав, что ей уже не скрыть слёз, задыхаясь, всхлипнула, а потом, уже ни о чём не заботясь, заголосила, как голосят деревенские бабы.

– Да, конечно, я для тебя всего лишь какая-нибудь Фифочка, Кент-хренская. Так знай же, что и ты для меня никто!

Она отвернулась от него и, захлёбываясь слезами, уткнулась в подушку. Этот её внезапный плач задел Кешу, проник в самое сердце. Он вдруг понял Фиву – всю-всю, до капельки, до донышка, и ему стало жаль её. Он сам был готов заплакать.

Кеша придвинулся к ней, уткнулся в плечо и стал осторожно гладить её руку. Сколько это длилось – бог весть. Наконец она успокоилась, повернулась к нему: знает ли он, что Фива Кенхрейская – то же, что и Коринфская?

Нет, он не знал.

– Была такая царица в Древней Греции из города Коринфа, – сказала Фива. – Она была блондинкой и настоящей красавицей среди черноволосых гречанок.

Кеша и Фива обнялись и очень долго лежали не шевелясь. И это было совсем не то, что было прежде. Прежде они стремились друг к другу, словно продираясь сквозь чащу, – не замечали ни ссадин, ни царапин, ни рваных одежд. Теперь ничто не ускользало от их внутреннего взора – они были полны нежности, как единый сосуд.

Только пополудни Кеша пошёл в магазин. Новый год продолжался, и ему захотелось продлить праздник. Для этого он решил купить яблок, мандаринов, апельсинов и ещё бутылку шампанского.

Новый год, Фива, фрукты – всё это должно было воссоединиться, продлиться и отложиться в памяти. Во всяком случае, он с детства не представлял Нового года без апельсинов. Без их запаха вечного лета, смешанного со снегом.

Самое яркое впечатление детства – ему позволили сорвать с ёлки настоящий апельсин. Он держал в руке ярко-оранжевый плод, и ему казалось, что он держит полыхающее солнышко. Потом обронил его, и на снегу долго-долго горела как бы капелька отдельно живого пламени.

Они с отцом вернулись, но никак не могли отыскать волшебный плод.

– Нету, нету, – говорил отец, перешагивая сугробы.

И он повторял за ним:

– Нетю, нетю.

А потом перед глазами у Кеши словно развернулся и свернулся тёмно-синий веер, усыпанный мерцающими звёздами. И сразу он увидел солнечный апельсин на подтаявшем снегу, ощутил его прикосновение к щеке и почувствовал запах вечного лета, смешанного со снегом и хвоей.

Внезапно Кеша подумал о деньгах – хватит ли на фрукты и шампанское? Всё внутри сжалось – или сбежалось? – в леденящий кружочек – вчера на дискотеке он был щедр, как олигарх. Кружочек лопнул, но ещё прежде он вспомнил о новенькой «подкожной» тысячерублёвой, спрятанной в брючный карманчик для часов. Всё в нём ещё сжималось, а он уже нащупал хрустящий банковский билет. И опять на какую-то долю секунды мелькнул перед глазами тёмно-синий веер, усыпанный мерцающими звёздами, и его охватила неудержимая радость – праздник продолжается.

Когда Кеша вернулся, над крыльцом горела электрическая лампочка, хотя из-за обилия снега было светло как днём.

Фива убрала комнату, а на общей кухне накрыла белой скатертью стол. На нём стояли два прозрачных фужера и бутылка минералки. Разбирая пакет с покупками, она радовалась, словно ребёнок. И, глядя на неё, он тоже радовался.

А потом они пили шампанское и, смеясь, вспоминали подробности вчерашнего знакомства. Особенно их смешила встреча перед главным корпусом сельхозакадемии, которую Фива так и не привыкла называть академией, а называла Тимирязевкой.

Она стояла одна, не зная, куда себя деть – подруги уехали домой, а ей не хотелось возвращаться в свою коммуналку, общежитие землеустроителей. И вдруг она увидела его, Кешу, и сразу, словно в пространстве синих полотнищ, усеянных звёздами, явился парень в космиче-

ском комбинезоне и полумаске. Очень, очень похожий на человека из будущего или волшебника.

– Вы сюда пришли по приглашению?..

Парень сделал внушительную паузу, но она не знала, что ответить. И тогда вмешался Кеша.

– Мы пришли сюда по приглашению сети Интернет, – сказал он и тут же поправился: – То есть по приглашению Всемирной Интернет-Паутины.

– Так, стало быть, вы ВИП-персоны, – сказал парень и словно из пустоты выхватил и раскрыл золотой портсигар. – Тогда угощайтесь, и без церемоний.

Кеша вытащил две сигареты с длинным фильтром и позолоченным ободком и тут же высек огонь – в портсигар была вмонтирована зажигалка.

Она никогда не курила, но не отказалась – решила попробовать.

Кеша был полностью согласен с Фивой, за исключением того, что в пространстве синих полотнищ, усеянных звёздами, в космическом комбинезоне и полумаске явился именно парень. Он хорошо помнил, что явилась девушка, молоденькая танцовщица в ярко-красной юбке, усыпанной серебряными блёстками. Впрочем, он мог принять её за танцовщицу, потому что длинные концы юбки, когда она явилась, метались, как пламя костра. А потом, будь это парень, Кеша ни за что бы не взял сигарету – некурящим приходится быть и принципиальными, и категоричными.

Покуривая, они пытались пускать кольца, им было очень весело. К ним подошёл старец в золотисто-голубом плаще с капюшоном, надвинутым на голову.

– Что, встретились, покуриваете, – добродушно сказал он, и они решили, что это переодетый преподаватель, участвующий в конкурсе бал-маскарадных костюмов.

В общем, курение сблизило их, они пошли на дискотеку вместе. Весёлое настроение не покидало их ни на минуту.

– А эта девушка-волшебница, которая угостила сигаретами, кое на кого похожа.

Кеша намекал на Фиву, но она реагировала как-то неадекватно.

– А этот парень в космическом комбинезоне тоже кое на кого похож.

Её замечание казалось верхом остроумия, они весело смеялись и ни разу не озаботились различием своих впечатлений. Только на следующий день, когда вспоминали подробности, вдруг обнаружили, что им привиделись абсолютно разные люди.

Наверное, они накурились, наверное, их угостили сигаретами с травкой, предположил Кеша. И настолько сам утвердился в этом предположении, что в дни праздника, когда Фива по известным причинам вдруг начинала горько всхлипывать, он оправдывался и даже негодовал. Пусть бы только встретилась ему эта нахалка, он бы ей показал Интернет!

– Не нахалка, а нахал, – улыбаясь сквозь слёзы, поправляла Фива, чем ещё больше распаляла Кешу.

Четыре дня праздников прошли как один день. Их уже не забавляли подробности знакомства. Вот-вот должны были приехать подруги, все мысли невольно вращались вокруг предстоящего расставания.

Вернувшись домой, он испытал что-то наподобие шока, когда прочёл записку хозяина квартиры Никодима Амвросиевича.

«Аспирант Кеша, твоя тысячерублёвая на месте – не пригодилась. Февральские деньги распылять не хочу».

В другое время словосочетание «аспирант Кеша» задело бы самолюбие, в нём проскальзывал некий намёк на неполноценность «аспиранта». Своеобразная кличка, какой одаривают шутя, в расчёте на иронию. И что с того, что хозяин квартиры ничего подобного не имел в виду? Зачастую непреднамеренная ирония ранит гораздо глубже преднамеренной. В ней как бы присутствует промысел Божий.

В данном случае ничего этого Кеша не уловил. Он подбежал к книжной полке и, сняв однотомный энциклопедический словарь, торопливо раскрыл его на тысячной странице. На странице, где была приведена таблица Дмитрия Ивановича Менделеева. Кстати, таблица всегда приводила его в восторг, он воспринимал её как неопровержимый документ, свидетельствующий о величии человеческого разума. Впрочем, на этот раз Кеша даже не заметил её. Всё его внимание было приковано к денежной купюре, на которой лежал уже известный прозрачный диск.

Стало быть, он не положил его сверху почтовых ящиков. Но он клал. Ладно – потом. (Факт с диском показался Кеше малозначащим.)

Если эту тысячерублёвую он отдал хозяину квартиры (а он вспомнил, что действительно отдал, а отдавать не хотелось, потому что купил новое демисезонное пальто и изрядно потратился), тогда непонятно – откуда взялась ассигнация, на которую купил апельсины, яблоки и шампанское?

Он осторожно положил раскрытый словарь на стол и с ещё большей осторожностью взял купюру.

– Билет Банка России. Тысяча рублей, – сказал он вслух и оглянулся, словно адресовал свои слова кому-то ещё, стоящему за спиной и вместе с ним разглядывающему банкноту.

Откуда, откуда взялась эта тысяча? Он, конечно, не против неё, но откуда она взялась?!

– Хорошо было бы туда запустить руку, – опять вслух сказал Кеша и опять оглянулся, словно почувствовал за спиной чьё-то невидимое присутствие.

На самом деле никакого присутствия он не чувствовал. Просто таким способом пытался иронизировать, старался ослабить впечатление от факта, не поддающегося объяснению. Впрочем, поймав себя на мысли, что оглядывается и разговаривает с самим собой, как с невидимым собеседником, – умолк. Ему стало не по себе: может, он сходит с ума? Однако не это обеспокоило. Хотя он был и невысокого мнения о себе, но всё же не настолько. Вдруг вспомнилось, что подобные, не поддающиеся нормальному объяснению факты бывали и раньше. Особенно врезался в память случай с апельсином, который он уронил на снег и который они с отцом нашли. А потом, уже дома, он стоял на крыльце и, всмотревшись в сугроб, опять увидел оранжевое солнышко.

– Во-он, – указал отцу рукавичкой.

Отец удивился, как удалось его сынишке так далеко бросить заморский плод. Проваливаясь по колено, добрался до сугроба, взяв апельсин, хотел возвратиться назад, но Кеша остановил. Опять указал рукавичкой – во-он. Так повторялось много раз. Отец рылся в очередном сугробе, а Кеша «проявлял» апельсины то там то сям. В поиске «солнышек» отец растерянно озирался, а Кеша, радостно смеясь, хлопал в ладоши – какая хорошая игра!

Отец поднялся на крыльцо с полной шапкой апельсинов. Все они были похожи на тот, который Кеша снял с ёлки, то есть все были перевязаны крест-накрест красной ниточкой с петелькой. Кеша думал, что отец начнёт баловаться с ним, подкидывать вверх или, взяв за руки, кружиться, как это всегда бывало, когда они заканчивали игру. Но отец поднялся на крыльцо расстроенный, испуганно оглядываясь, затолкал шапку под кожух, присел на корточки и крепко-крепко прижал его к груди.

– Кеша, сыночек, не делай так больше никогда, понимаешь, не делай! Скажи, прямо сейчас, что не будешь так больше делать, никогда не будешь!

Отец просил его так взволнованно, с такой болью и страхом, что и ему стало страшно. Не понимая ничего, пообещал:

– Не будю, не будю.

Кеша захлопнул словарь и открыл окно. Ветер ворвался в комнату вместе со снегом, но не принёс облегчения. В груди всё горело, он словно глотал испепеляющее пламя.

В горнице отец молча водрузил шапку на стол, и мама, самая добрая, самая лучшая в мире мама, охнув, присела на табуретку и молча заплакала. Кеша прижался к ней и, ничего не понимая, опять пообещал:

– Не будю, не будю.

Мама заболела и слегла. Он перестал ходить в детский садик и целыми днями сидел возле её кровати и играл. Отец принёс ему *досо́чки*, так он называл выгнутые предметы, похожие на ладошки, точнее на горсть. С внутренней стороны *досо́чки* были из чёрной, как уголь, керамики – толстой и всегда тёплой. А с тыльной – алюминиевыми, всегда холодными, покрытыми зелёной краской. Кеша состыковывал *досо́чки*, ставил их одну на другую, получалось что-то в виде полусферы. Осторожно, чтобы не развалить, он всовывал в неё голову, и сразу открывался новый мир, полный воздушного сияния и внутренней радости, исходящей от всего, на что бы ни посмотрел. Сны были лучшей частью его реальности.

Кеше больше всего нравилось лежать на зелёном холме и смотреть вдаль, на блещущее зеркало речки, в излучине которой высился белокаменный храм, а в сосновом бору прятались крыши изб. На холмах паслись тучные стада коров и овец, а между холмами встречались и расходились, как бы ускользая друг от друга, голубовато-зелёные электрички.

Мир был настолько прекрасен и настолько всеохватно доверчив, что Кеше не составляло труда войти в него. Он откуда-то знал, что всё, что он видит, настолько благоволит ему и настолько внутренне связано с ним, что стоит только подумать, и сейчас же его любое желание исполнится. Исполнится не только для него, но и для всего окружающего, потому что его желание непременно прибавит радости этому удивительному миру. В Кеше словно бы включалось какое-то не подвластное ему устройство, преобразующее мысленные образы в физическую реальность.

Однажды, созерцая сосновый бор и ручейки, впадающие в речку, он подумал, что хорошо бы спуститься с холма по тропинке и встретиться у ручья с кем-нибудь, кто хотел бы встретиться с ним. Только что он подумал, как тут же увидел тропинку, сбегающую с холма к лесному ручью, а у ручья – девочку белокурую-белокурую и с такими глазищами, что у него даже закружилась голова от синевы её глаз.

– Ты хотела меня видеть? – спросил Кеша и потупился, он впервые видел, чтобы белки глаз отливали такой яркой голубизной.

– Я хотела тебя видеть, но не знаю зачем, – сказала девочка.

Было бы очень хорошо посадить вместе с нею цветок, подумал Кеша и увидел в руках синюю луковицу.

– Давай мы посадим этот цветок. А потом будем приходить сюда на бережок и смотреть, как он растёт, – опередив Кешу, сказала девочка.

Они посадили цветок, и Кеша вновь очутился на кровати. Кто и когда перенёс его, он не помнил. С девочкой тоже больше не встречался, потому что *досо́чки* исчезли, а с ними – и зелёные холмы, и тропка к лесному ручью. Тогда впервые он ощутил грусть своей жизни. Его словно обманули, предоставив возможность жить здесь, а не там. Потому что там для него жизнь была более реальной. А эта казалась всего лишь сном, в котором таятся только лишь загадки той, настоящей жизни.

Однажды к ним пришли святой отец с матушкой. Всё вокруг окропили святой водой, а на окнах и входной двери написали Божии крестики.

А потом ещё приходил загадочный старец, в длинных золотисто-голубых одеждах, с капюшоном на голове. То есть не приходил, а уже стоял посреди горницы, когда отец подвёл Кешу.

– Боже правый, это же звёздный ребёнок! И ты просишь меня?!.

Старец в капюшоне осёкся, но его зелёные глаза полыхали восторженным огнём. Он распрямился.

– А я-то думал, что Бэби Кис, Бэмсик, – наш Звёздный…

Он опять осёкся.

– Вся наша беда в том, Иннокентий Иванович, что мы боимся своей победоносной силы. Всё тормозим, тормозим, ладно бы только себя – за детей взялись, а новый человек *индиго* и *новое небо* уже здесь, с нами, но мы не понимаем своего счастья.

Старец перекрестился и, возложив левую руку на чело Кеши, а правую с жезлом приподняв над ним, строго сказал:

– Сынок, когда тебе захочется доставать «солнышки» из снега или всё, что ты ни захочешь, брать прямо из воздуха, скажи в сердце своём твёрдо – *никогда, не буду, не хочу*.

Человек в капюшоне легонько коснулся жезлом его темени. И жезл, потрескивая, зашипел, словно раскалённый в огне прут, опущенный в воду.

– А теперь ступай, отдохни, поспи.

Уже засыпая, Кеша услышал:

– Остановить-то я остановил, но такой внутренней силы ещё не встречал. Если однажды он скажет – *всегда, буду, хочу*, мои затворы рухнут, я не всесилен.

– А вы, *Досточтимый Отец*, и затворы запечатайте. Сделайте привязку к тому, чего никогда не случится, например, к ускорению земного времени. Только тогда пусть затворы рухнут. Вы понимаете?!

– Понимаю, – сказал загадочный старец и вздохнул. – Мы даже окошка не оставляем, ведь в результате катаклизмов никакого ускорения не предвидится. Скорей всего, земные сутки растянутся, – он опять вздохнул.

– Да, конечно, – сказала мама. – Но пока я здесь – он свободен. А когда окошко потребуется – я уже буду там и оттуда помогу ему.

– Возьмите эту вещицу. Положите в короб с кубиками, она его, – строго и ещё как-то очень недовольно сказал старец. (В его руках сверкнул то ли кусочек стеклышка, то ли синий перстень.)

За окном метель и сумерки смешались, белая снежная мгла волнами врывалась в комнату, но Кеша не чувствовал холода. Ему казалось, что порывы ветра опаляют лицо.

Мама, конечно, имела в виду, что скоро умрёт…

– *Никогда, не буду, не хочу*, – простонал Кеша и почувствовал такую необоримую усталость, что, едва добравшись до дивана-кровати, тут же уснул.

Глава 2

Расставшись с Кешей, Фива почувствовала ужасную опустошённость и даже тоску. Ей хотелось не просто плакать, а выть от ощущения безысходности и незащищённости перед своим будущим. Которое, как ей казалось, она непростительно легкомысленно связала с Кешей. Нет, не то чтобы он был плох (высокий, синеглазый и светло-русый, он ей понравился), – она была плоха. С первым встречным – в постель. И это она, которую в школе называли *недотрогой*, а в Тимирязевке – *неприступной*! Сколько раз Фива слышала за своей спиной шутливые и в то же время восхищённые возгласы парней, мол, всё есть, да не про их честь. И вдруг?!

А он что? Он ей понравился. На дискотеке многие приняли их за брата и сестру. А уходя, денег дал, действительно словно брат (незаметно положил в карман пальто).

Фива сквозь слёзы улыбнулась. Братьев у неё нет, сёстры – младшенькие, хороший пример им подаёт! Вспомнила, что во всякий её приезд домой отец напивался, а мать ругала её почём зря, что денег нет, что тратит их «на какую-то косметику». Требовала, чтобы попусту не приезжала, а раз уж такая, то как-то устраивалась бы там, в городе. А у них нет денег на французские духи.

Самое удивительное – сестрёнки. Только что мать ушла к соседке, бросили свои уроки, прибежали в слезах, принесли все свои сбережения – семьдесят рублей с копейками.

– Не слушай её, она сегодня злая, потому что папка пьяный. – Когда они вырастут, такими же, как Фива, будут. Не посмотрят, что денег нет, всяких французских духов накупят.

И плакали, и смеялись они, и нюхали друг друга, потому что остатки из флакончика Фива на сестрёнок истратила.

А когда мать пришла и услышала этот запах в избе, села на табуретку, закрыла лицо ладонями и тоже заплакала.

С тех пор Фива не была дома. С отцом разговаривала по телефону через бухгалтерию – он работает на колхозной пилораме. А дома не была. Хотела по окончании Тимирязевки заскочить, не получилось, решила подзаработать на составлении землеустроительных карт. Да и приодеться надо было, и общежитие выхлопотать – она теперь инженер-землеустроитель областного масштаба. Правда, в полевых условиях её называли попросту – землемер.

Вспомнив о сестрёнках, Фива ещё больше расстроилась. А представив, что скоро заявятся подруги, по приезде из дома всегда радостные, с неуёмной жаждой рассказывать и самим выслушивать рассказы о проведённых праздниках, она и вовсе отчаялась. Нет, ей никого не хотелось видеть. И неожиданно для себя подумала – кого бы, именно сейчас, она хотела видеть?! Кешу – невозможно, только что ушёл.

Она вскочила с постели – бабушка! Сто лет не была у неё, а тут за сутки смотается.

Фива посмотрела на часы – двенадцать двадцать. Кажется, с Рижского вокзала до Новопетровского электрички каждый час бегают, а там до Андрейково, бабушкиной деревни, не больше трёх километров, она даже пешком засветло доберётся. А может, ей повезёт и кто-нибудь из деревенских на личном транспорте подбросит.

Она обрадовалась решению (ей не придётся встречаться с подружками) и, не теряя времени, засобиралась к бабушке. Наверное, такое решение было правильным, потому что всё как-то сразу собралось: и шапка-ушанка, и полушубок, и утеплённые брюки, и меховые перчатки, и даже сапоги с войлочной подбивкой, которые в экспедиции не хотела брать в счёт полевой формы (экономила деньги), но ей навязали – стандарт зимней экипировки. Теперь всё было как нельзя кстати, а сапоги особенно. В нынешнюю зиму не шибко походишь в городских полусапожках.

В общем, Фива довольно быстро собралась, замешкалась только, когда доставала из сумочки кошелёк – брать Кешины пятьсот рублей или нет? Деньги немалые. Взяла – вдруг подвернётся бабушке какой-нибудь хороший подарок? Тут вспомнила, что по осени купила ей в Рузе тёмно-коричневый кашемировый платок с красными цветами. Достала, накинула на плечи – хорош подарок для бабушки. Всё же спрятала Кешину пятисотрублёвую ассигнацию в энциклопедический словарь, аккуратно сложила платок и сунула в пакет. Посидела перед дорогой, мысленно произнесла молитву, а уходя, забрала-таки пятисотрублёвую – любые деньги в дороге не лишние. Пусть будут у неё, она постарается их не тратить.

С электричкой тоже всё получилось как нельзя лучше, успела на ближайшую, отправлявшуюся в четырнадцать двадцать три, и место у окна нашлось, потому что пассажиров было немного. Да и время в пути (час десять) пролетело мгновенно. Она даже не успела насладиться дорогой, то есть мечтами о бабушке, полной своей тёзке Фиве Феодосьевне Флоренской.

Больше всего помнился поход в церковь – на Флора и Лавра. Тридцать первое августа, на улице жара, зной, а в церкви – приятный полумрак, прохладно, свечечки мигают под образами, и они с бабушкой молятся, просят у их фамильного ангела Флора, чтобы поспособствовал в учёбе (она шла в одиннадцатый класс).

А потом околицей, через лески, возвращались домой. Бабушке попадались подосиновики, она складывала их в лукошко и так быстро накрывала белым платком, словно прятала что-то особенное. Тогда Фива впервые подумала, что, наверное, поэтому, то есть за такие вот необъяснимые странности, бабушку называют по-за глаза колдуньей, а в глаза улыбаются и подобострастничают.

В тот день Фиве ничего не попадалось, но так хорошо, так спокойно было на душе, что, присев у встретившегося родника отдохнуть, невольно задремала. А когда проснулась, прямо между пальцами у неё рос белый-белый цветок, похожий на колокольчик, с розоватым пестиком и золотыми тычинками внутри. Она ещё никогда не видела таких цветов – чуть пристальнее обычного посмотрела на него и вдруг услышала далёкий-далёкий серебряный звон, или зов, или отзвук звенящего ручейка, бегущего между деревьями.

Когда бабушка нашла её и она рассказала, как внезапно задремала и цветок вдруг оказался в её руке, бабушка радостно взяла цветок и мгновенно, точно он был дороже любого золота и изумруда, спрятала в лукошке и тут же опасливо прикрыла своим платком. В ответ Фива засмеялась, так ей всё было понятно в бабушке, то есть понятнее самих слов, которыми можно было бы объяснить её странное поведение.

– Смейся-смейся, – сказала бабушка, осторожно выкапывая ножичком синюю луковицу цветка.

Когда-то и она такою же смешливой была. Да отчего же не посмеяться и не повеселиться, если сам ангел Флор цветик-семицветик преподнёс?

А дома, застав дедушку в тени под берёзой (он разрезал арбуз, а на столе уже стояла большая эмалированная миска с нарезанными из рамок сотами с мёдом), бабушка вся засветилась и так бочком-бочком подступила к нему, что он вдруг отложил арбуз.

– Неужто ангел опять облагодетельствовал?

Бабушка согласно кивнула и так осторожно и благоговейно сняла платок с лукошка, словно под ним находилось что-то сверхчудесное.

Дедушка в восторженном изумлении вскинул брови и, не скрывая радостного трепета, взял цветок в руки. И словно серебряным росчерком ударил солнечный луч сквозь зашелестевшую крону и мелкими-мелкими воздушными звёздочками стал медленно осыпаться. И Фива онемела очарованная – бабушка и дедушка стояли, будто собрались под венец. Дедушка в белой рубашке, а бабушка, как и положено в такой день, в фате и белом как снег подвенечном платье. Они были настолько молодыми-молодыми, что их лица, озарённые светом глаз, казалось, лучатся радостью.

– Это тебя он одарил, или внученьку, или кого-нибудь ещё? – спросил дед.

– Её, – сказала бабушка.

И они вместе посмотрели на Фиву, и она почувствовала, что все они трое, и ещё цветок-колокольчик, есть одно неразделимое целое, и это сознание целостности сделало её счастливой. Она в одно мгновение как бы обняла весь белый свет.

Потом, позже, дед иронично усмехался в свою интеллигентскую бородку, а бабушка, пряча цветок за икону, обещала:

– Теперь, внученька, ежели тебе встретится твой суженый, об том я первая узнаю, святой Флор не соврёт.

Как бабушка узнает, «как ей об том святой Флор не соврёт», Фиве было неведомо, и она счастливо смеялась от всей души.

А под вечер приехал отец на колхозном «уазике» и забрал домой. Фиве не хотелось уезжать, но бабушка, поцеловав, сказала, что надо учиться, и не просто, а с отличием – отныне её ангел всегда будет стоять рядом с нею.

Фива в своём полевом обмундировании сошла на перрон, и общий поток увлёк её в тоннель, а потом выплеснул с другой стороны автострады. У последнего киоска ещё раз осмотрела себя, затянула кожаные ремни наколенников на сапогах, чтобы уже пуститься в дальний путь, и вдруг, бросив взгляд на старуху, стоящую чуть поодаль от неё с клюкастой палкой, обмерла: неужто бабушка?!

Высокая, статная, в тёмном пуховом платке, обтягивающем поднятый воротник серого длинного кожуха, в белых высоких катанках и красных шерстяных варежках, да ещё с палкой, она была похожа на грозную боярыню, зорко оглядывающую свою мельтешащую челядь.

Ещё не веря себе, то есть полагая, что обозналась, Фива неуверенно окликнула:

– Бабушка, это ты?!

И сразу грозная боярыня обмякла, словно что-то сломалось внутри, превратилась в неуклюжую сутуловатую старушку – в общем, в родную бабушку, сделавшую широкий шаг навстречу и едва не упавшую в снег – благо, успела опереться на свою клюкастую палку.

Фива цепко обхватила её своими крепкими руками и, оберегая, прижала к себе, удивляясь, что бабушка вовсе не такая большая, как показалось, а, наоборот, маленькая и сухонькая, даже сквозь кожух она почувствовала её старческую костлявость.

– Я это, я, внученька. Ну а кто же ещё придёт тебя встречать?

Фива отстранилась.

– Ты что, встречала меня?!

– Со среды, с тридцать первого.

– И вот так все эти дни стоишь, высматриваешь?!

– Да, стою, высматриваю, но только дневные электрички. Ещё следующую подождала бы, и всё, а дальше уж совсем темно, пошла бы домой, – сказала бабушка.

– Господи! – воскликнула Фива и опять, крепко-крепко прижав к себе костлявое старческое тело, всхлипнула. – Дак я ведь могла не приехать, я же случайно приехала.

Теперь отстранилась боярыня.

– Как это – не приехать?!

Она лучше Фивы знает, что Фива должна была обязательно приехать.

Воткнув палку в сугроб, привлекла внучку в свои объятия, и Фива вновь почувствовала бабушку большой-большой, а себя словно в детстве – маленькой-маленькой.

Глава 3

Проснулся Кеша затемно – продрог. Открыл глаза, и первое, о чём подумал, – Фифочка. Он улыбнулся. Так много было для него в этом слове, что невольно пропел:

– Фифа, Фифочка моя!

Фифа, Фифочка, я – твой!

Он радостно засмеялся и, вскочив, накинул на плечи новое демисезонное пальто – в нём он с нею познакомился. Потом, закрыв окно, заглянул в холодильник. Пара куриных яиц и начатая бутылка растительного масла. Постоял, посмотрел – да, негусто. Опять лёг отдыхать, а точнее, мечтать о Фифочке. Какая белая и красивая кожа у неё, а на щеках румянец. Наверное, глядя на таких, как она, говорят – кровь с молоком. А глаза синие-синие, и волосы как лён: белые, мягкие – небесная женщина, небожительница с какой-нибудь Проксимы Центавра. Неожиданно Кеша начал сочинять стихи. Вначале хотел использовать две внезапно явившиеся строчки, но дальше них ничего не получалось, и он сменил угол зрения. Посмотрел на себя и Фиву как бы сверху.

– Наши жизни – твоя и моя —
Обернулись единой судьбой.
Линий две, но одна колея,
Я всегда буду рядом с тобой.

Кеша самодовольно улыбнулся (представил, как приятно удивится Фифочка четверостишию), подумал, что надо записать его. Не записал. Блаженно улыбаясь, уснул. Однако не так, как обычно – теряя связь с действительностью, проваливаясь в пустоту или, наоборот, попадая в какие-то сложные перипетии, в которых не было никакой логики. Нет, всё было по-другому.

Вначале в дверь постучали: громко, отчётливо, трижды тройным стуком. Так стучать мог только Никодим Амвросиевич, хозяин квартиры. Они условились, что, хотя у него и есть ключ, он должен прежде стучать, извещать квартиранта.

Услышав стук, Кеша недовольно отозвался:

– Сейчас открою.

Недовольство объяснялось вполне понятной причиной: прервали радужные мечты, он представлял, что читает своё стихотворение Фифочке.

Накинув пальто и нащупав шлёпанцы, включил свет. Половина шестого – ужас! Наверное, в Озёрки собрался, туда чуть свет выезжают, подумал Кеша и, вспомнив, что Фива из Озёрок, тут же решил – надо как-то смотаться с нею на «Икарусе» Никодима Амвросиевича.

– Опять ни свет ни заря дальний рейс? – сказал Кеша и, щёлкнув замком, открыл дверь.

Всё что угодно он мог представить, но чтобы за дверью стояла Фива – ни в жизнь.

На ней были чёрная вязаная шапочка, из-под которой выбивалась льняная прядь, светло-серое изящно приталенное пальто, весьма длинное (почти скрывало полусапожки на каблуках), и тёмная сумочка на ремешке, небрежно накинутом на плечо. Ещё в глаза бросались красный шарф и чёрные шёлковые перчатки – особенно перчатки. Нервно пружиня пальцами, Фива как бы играла в ладушки, невольно приковывала к ним внимание.

Она улыбалась, но смущённо и неуверенно, словно загодя просила прощения за свой неожиданный визит.

– Фифочка, ты?!

Кеша опешил, потерял дар речи. Синеглазая, розовощёкая, с огнисто вспыхивающими на шапочке снежинками, она была само совершенство.

Почувствовав, что Кеша больше, чем она, растерян, Фифочка обрадованно засмеялась, сделала вид, что ей всё нипочём.

– Давай-давай, приглашай в свои апартаменты.

Они вошли. Фива позволила поухаживать за собой, то есть Кеша принял из её рук шарф, сумочку и пальто. Полусапожки он снимать не позволил, а шапочку – сама не стала.

Комнату осматривала с любопытством и даже некоторой придирчивостью, словно ей предстояло здесь жить. Именно это пленяло Кешу, хотя понимал, что таким образом она пытается составить о нём представление.

– Комнату снимаешь один или у тебя семья?

– Один, – ответил Кеша.

Фифочка смущённо хохотнула.

– Хорошо устроился. Диван-кровать, тахта, раздвижное кресло – тут вполне хватит места для троих.

– Да, вполне, – согласился Кеша. – Если третий человек будет маленьким.

Почему так сказал – сам не знает. Они переглянулись, и Фива тут же перевела взгляд, подошла к книжной полке. Но он всё равно увидел, как покраснела она, как зарделись не только её щёки, но даже уши и шея.

Пауза получилась довольно-таки продолжительной, наконец Фива, опять с видом, что ей всё нипочём, весело заметила:

– А ты богатенький! Разбрасываешься тысячерублёвыми.

Она подняла с пола банкноту и, улыбаясь, подала Кеше. На какое-то мгновение он увидел синие всполохи и мерцание звёзд, всё в нём сжалось – *никогда, не буду, не хочу*! Он машинально стал складывать купюру так, как складывают «подкожные деньги», чтобы подальше спрятать. Но Фива остановила и несколько осуждающе сказала:

– Прекрати, разве так можно обращаться с деньгами?

Очень ловко выдернула купюру из рук, положила на стол, на раскрытый словарь, и придавила прозрачным диском.

– Мог бы и пригласить, – сказала Фива, не уточняя, куда пригласить.

Кеша очнулся. Лично он – всегда, пожалуйста.

– Чуть рассветёт, пойдём в кафе, здесь неподалёку круглосуточное, – воодушевился он.

Фива засмеялась. Ей понравилось предложение, но она вовсе не это имела в виду, а простое приглашение присесть.

– А потом, пока рассветёт, не слишком ли долго ждать – целая ночь впереди!

Она весьма выразительно посмотрела на часы. Он тоже посмотрел.

– На моих без десяти шесть.

– И на моих, – подтвердила Фива.

– Как? Не может быть?! – удивился Кеша и тут только прозрел. – Сейчас что – утро или вечер?

Оказалось, что вечер. Кеша схватился за голову, даже постучал себя кулаком по лбу – а он-то думал!

Они радостно засмеялись и потом ещё долго не могли успокоиться, смеша друг друга своей радостью.

Наконец умолкли. Кеше хотелось обнять, поцеловать Фиву, но так, сразу… Он посмотрел на неё, а она на него. И вдруг между ними словно электрическая искра проскочила. Проскочила и сожгла разделяющее пространство. Позабыв обо всём, они бросились друг к другу. Однако Кеше не повезло, он обо что-то споткнулся и со всего маху грохнулся на пол. Грохнулся и – проснулся.

Проснулся, но сон был настолько реален, что он испуганно вскрикнул:

– Фифа, Фифочка!

Следующие слова о том, не ушиблась ли она, Кеша произнёс тоже с тревогой за Фифочку, но по инерции. Он уже понял, что всё, связанное с нею, – сон. Реально лишь его падение с дивана-кровати и этот полусумрак уличного электричества, неярко освещающий деревянный пол и нижнюю часть мебели (ножки стола, тахты и раздвижного кресла). Впрочем, сон был более правдоподобным, чем эти не до конца проявленные предметы мебели. Какая-то странная реальность, как бы из повести Гоголя «Портрет».

Кеша поднялся с пола и отряхнул новое пальто. Он нарочно не усердствовал, чтобы не развеять остатки сна. Хотелось поскорее лечь и опять уснуть. Он слышал, что бывают случаи, когда прерванные сны возвращаются, главное – как можно быстрее лечь и уснуть.

Кеша сейчас же лёг, закрыл глаза и сразу почувствовал, что его сознание мягко обволакивается дрёмой, он словно плывёт в синем дыхании океана. И вдруг – громоподобный тройной стук.

– О! – простонал Кеша. – Никодим Амвросиевич!

– Он самый, – сипловатым голосом отозвался из-за двери хозяин квартиры и поторопил: – Открывай, у меня времени в обрез.

Открывая дверь, Кеша посмотрел на часы – без десяти шесть. Мысленно отметил – совпадает со временем, что вот только что они вместе с Фивой наблюдали.

Никодим Амвросиевич явился в шубе и унтах.

– В Озёрки? – уточнил Кеша.

Догадаться было нетрудно, но правдоподобность сна всё ещё не отпускала.

– Ну а куда же? – подтвердил Никодим Амвросиевич.

Кроме того, и цель, с которой явился хозяин квартиры, не противоречила раннему визиту. Никодим Амвросиевич опять хотел взять на всякий случай тысячерублёвую – мало ли что в дороге? В связи с праздниками его попросили сделать дополнительный рейс.

Более ничего Кеша не расспрашивал, отдал слегка помятую купюру, лежавшую на раскрытом энциклопедическом словаре под пакетиком с диском, и, не попрощавшись, быстрей на диван-кровать. (Спасибо Никодиму Амвросиевичу – банкноту в карман и бегом за дверь.)

Кеша закинул руки за голову, ещё и глаз не сомкнул – опять постучали. Ну, как водится, в спешке что-то забыл, подумал он, и ему захотелось бросить в лицо Никодиму Амвросиевичу какую-нибудь такую колкость, чтобы он наконец почувствовал, что у квартиранта тоже есть человеческие права, тем более в такую рань.

Подгоняемый недовольством, весьма прытко подскочил к двери, распахнул – и обомлел. Перед ним стояла Фифочка. Розовощёкая (только что с мороза, на вязаной шапочке вспыхивали нерастаявшие снежинки), в светло-сером пальто, чёрных шёлковых перчатках, с сумочкой на плече – в общем, в том же самом одеянии, в каком вот только что приснилась. Даже улыбалась так же: смущённо и неуверенно, словно извинялась за свой столь ранний визит.

– Фифочка – ты?! – удивился Кеша.

Его недовольство мгновенно сменилось радостью и восторгом. Он и сам словно опять очутился во сне, потерял дар речи. Синеглазая и розовощёкая Фифочка была как бы из сна, но гораздо красивее.

Почувствовав Кешино волнение, она засмеялась и, явно строжась, приказала, чтобы немедленно собирался – они пойдут в лабораторию, посмотреть его обезьянок.

– Каких обезьянок?! – воскликнул Кеша. – Сейчас шесть утра.

Он поинтересовался – встретился ли ей человек в шубе и унтах?! Это хозяин квартиры, едет в Озёрки, а рейс в Озёрки по расписанию в шесть тридцать. И это ей должно быть известно лучше, чем ему.

Фива сказала, что всё ей известно. И мужчину в шубе и унтах она не только встретила, но даже подъехала с ним на «Икарусе» прямо к подъезду, потому что собиралась ехать домой, а потом передумала.

– На «Икарусе», домой, – растерянно повторил Кеша. – Но автобус идёт в Озёрки в шесть тридцать утра.

– Вот и не угадал, – засмеялась Фива. – Не в шесть тридцать утра, а в семнадцать тридцать вечера, потому что это автобус дополнительный.

– Ах, вот оно в чём дело! – наконец-то дошло до Кеши.

Он пригласил Фиву в квартиру, но она отказалась, сказала, что подождёт на лестнице. А он пусть поторопится, ей не терпится взглянуть на обезьянок.

Кеша не стал спорить, побежал одеваться. За четверо суток, проведённых с Фифочкой, он много чего рассказал ей, чего прежде никому не рассказывал. А именно, что он аспирант кафедры философии, занимается изучением *сверхчувственного*, проводит психологические опыты с обезьянками, а потом моделирует их поведение на компьютере.

Они шли по длинному коридору, и Кеша никак не мог решить – надо ли говорить Фифочке, что лаборатория у них закрытая и достаточно большая (в ней работают ещё пять аспирантов и научный руководитель Богдан Бонифатьевич Бреус – философ-идеалист, кандидат наук, кроме того, выдающийся биоэнергетик).

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения. Тем более что лабораторию «закрыли» такие же аспиранты, как они, во времена, когда Богдан Бонифатьевич сам был аспирантом. А «закрыли» потому, что все кому не лень, узнав об их опытах по изучению *сверхчувственного*, откровенно смеялись над ними как над шарлатанами, сумевшими обвести вокруг пальца не только ректорат МГУ, но и Академию наук.

Естественно, никто никого не обводил, им позволили создать лабораторию только потому, что в других странах уже были созданы подобные. Особенно после того, как НАСА, Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США, провело ряд опытов по телепатической связи с астронавтами.

Да-да, их не жаловали, Кеша сам не раз был свидетелем, мягко говоря, ироничного отношения к ним. Однажды по поручению Богдана Бонифатьевича он отнёс в ректорат заявку на новый компьютер для лаборатории и был унижен до крайности. Какая-то секретарша проректора по хозяйственной части, по сути завхоза, беря у него бумагу, прыснула едва не в лицо: это от философа Брехуса?

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения, то есть имело иной смысл.

Если он откажет ей – она вправе обидеться, подумать, что он не хочет знакомить её со своими коллегами. А стало быть, его отношение к ней несерьёзное. И у него на примете есть другая девушка, которую он уже познакомил с ними или собирается познакомить. Но всё это не так, кроме Фифочки, Кеше никто не нужен. Да никого и нет у него, и не было никогда. Потому что он – недотёпа, с отсутствием всяких способностей. Если признаться, он потому и пошёл в парапсихологию, что уверен – однажды либо из окна высотки выпадет, либо под машину угодит. В общем, с ним что-нибудь такое произойдёт, после чего в нём просто обязательно откроются паранормальные способности. Как ни странно, но чувство открытия в себе каких-то новых необычных способностей не покидало его никогда. Так что, идя по длинным лабиринтам коридора, он только и нашёлся сказать, что все его коллеги, включая и завлаба, страшные остряки и оригиналы. В особенности любимчики Богдана Бонифатьевича: Зоро, Зиновий Олегович Родионов, и его подруга Седна, или МКС, Мавра Ксенофонтовна Седнина. Кстати, в присутствии Мавры Зоро всегда выпендривался. Правда, МКС – Международной космической станцией – называл по-за глаза, а в её присутствии величал Седной, эскимосской богиней океана. Слава богу, что её не будет (перед праздниками уехала домой в Великий Новгород).

Ещё о Зоро надо сказать, что внешне он ничем не походил на своего киношного тёзку, созданного Аленом Делоном. Конопатый и рыжий, с красными, как медь, волосами, коротко стриженными и всегда стоящими дыбом. С широким и слегка приплюснутым носом, он, между тем, подобно своему тёзке, был статен и привлекателен. И уж совсем как у настоящего Зорро, в нём чувствовалась геройская, то есть весёлая, почти бесшабашная удаль. А его уникальные способности вообще поражали. Он мог глазами, точно рентгеном, просвечивать людей, указывать им с абсолютной точностью, где и что болит, и даже изъяснять, почему болит. И при этом обладал вполне нормальными тёмно-карими глазами, во всяком случае, из них не сыпались искры и молнии. Что касается его неровного, а точнее, нервного отношения к Мавре, то это объяснялось идентичностью их экстрасенсорных способностей, которые у Мавры были развиты намного слабее, чем у Зоро, зато в её присутствии сенсорика Зоро всегда усиливалась вдвое.

Понятно, что их способности удивляли всех, а особенно Кешу. В отличие от коллег, каждый из которых по-своему и в известной степени обладал какими-то уникальными способностями, Кеша, как говорится, был чист. Единственное, что ценил в нём Богдан Бонифатьевич, – с его появлением приборы, регистрирующие биополя обезьянок, да и сами обезьянки, вели себя более устойчиво, так что и результаты опытов получались более приемлемыми. Из-за этого свойства Богдан Бонифатьевич довольно часто водил его по лаборатории за руку и просил постоять то здесь, то там. И неукоснительно требовал, чтобы Кеша ежедневно приходил в лабораторию и нужную литературу прочитывал не в читальном зале, а здесь, среди приборов. А уж если у него была причина пропустить занятие, то завлаб просил, чтобы он сообщал о том загодя, и некоторые опыты отменял до его возвращения.

Кеша только потому и пошёл с Фифочкой, чтобы предупредить Богдана Бонифатьевича, что Сочельник и всю рождественскую неделю, вплоть до двенадцатого (понедельника), он будет отсутствовать по семейным обстоятельствам. Что за обстоятельства, он ещё не придумал, в конце концов, и у фанатиков науки должны быть праздники.

Перед дверью в лабораторию Фива остановила Кешу и взялась за среднюю пуговицу его нового пальто.

– Иннокентий, – строго сказала она. – Если произойдёт что-нибудь непредвиденное, то знай, эту пуговицу я вырву с мясом, на память, чтобы в следующий раз неповадно было.

Они вошли в огромное помещение с высокими потолками, окнами и длинными трёхъярусными столами, на которых размещались металлические клетки с приматами, мониторы, компьютеры и всевозможные штативы с электроприборами и разноцветными проводами, скрученными и собранными в пучки, с тонкими прозрачными трубочками из полимеров.

Первым вошёл Кеша. На его приветствие почти никто не отозвался (у них всегда так – пришёл и пришёл) – каждый занят своим делом. Но он задержался в дверях. Все приподняли головы – ба!.. Да с ним красавица, похлеще «Мисс Вселенной».

– Здравствуйте, знакомьтесь – Фива, – сказал Кеша, увлекая Фифочку к своему столу.

Она, конечно, смутилась, но обезьянки в клетке, заверещав, отвлекли. Кеша тоже немного растерялся, но тут вмешался Богдан Бонифатьевич.

– Извините нас, сударыня…

Он сделал красноречивую паузу.

– Фива, меня зовут Фива, – подсказала Фифочка и так застенчиво улыбнулась, что Кеше захотелось приободрить её, но Богдан Бонифатьевич не дал.

– Извините, Фива, через минуту я верну вам вашего кавалера. Впрочем, вы можете следовать за нами.

Он взял Кешу за руку и подвёл к обезьянке из контрольной группы.

– Как всегда, высший предел интеллекта, даже немного зашкаливает, – выглянув из-за стола, весело сообщил Зоро.

Желая удостовериться, Богдан Бонифатьевич поспешил к нему, а Фива подошла к Кеше и осторожно оперлась на его плечо. Кажется, даже ещё и не оперлась как следует, а все в лаборатории враз испуганно вскрикнули: дескать, кирдык приборам – сгорели. А потом удивлённо вышли из-за ярусных столов и многозначительно уставились на Фиву. На их лицах читалось, что они подозревают её главной виновницей аварийного сбоя приборов.

Тогда в ответ Кеша демонстративно обвёл всех презрительным взглядом и крепко-крепко обнял свою Фифочку. Он ещё ощущал ни с чем не сравнимую гибкость её тела, а в лаборатории опять что-то произошло. Отстраняясь, она держалась за пуговицу пальто, а прямо перед ним, наполовину высунувшись из клетки, сидела обезьянка. Уцепившись хвостом за верхний прут, она тщательно осматривала свои маленькие ручки. При этом с таким завораживающим интересом, что не сразу улавливалось, что она напевает:

– Фифа, Фифочка моя!

Фифа, Фифочка, я – твой!

Кеша почувствовал, как волосы зашевелились на голове, – он опять проснулся.

Глава 4

Они шли по тропке через лесок, чтобы спрямить путь. Фива спросила у бабушки – как у неё получается, то она маленькая, обыкновенная, а то вдруг становится как боярыня, высокой, статной и неприступной – даже боязно подходить к ней.

– А ты вот так вот встань, носки врозь, а пятки сдвинь на ширину ладони и, насколь сможешь, выпрями шею, – сказала бабушка и застыла перед Фивой как изваяние. – И от пяток и ладоней мысленно направь потоки крови к своим плечам и ещё дальше вверх, чтобы за ушами они прошли и, не соединяясь, как бы пронзили небо.

– И я сразу подрасту? – удивилась Фива.

– Подрастёшь и не боярыней будешь, а царевной, – уверенно сказала бабушка.

– И это у всех людей так или только у нас с тобой? – спросила Фива.

– У всех, – ответила бабушка.

И тогда Фива решила удостовериться в правоте её слов, проверить их истинность на себе.

Она действительно вся выпрямилась, внутри будто стержень стальной обнаружился. Конечно, саму себя она не вполне могла видеть, но бабушка сказала, что точно, пока стояла как памятник, была не царевной даже, а царём, начальником полевой экспедиции, потому что в соответствующем обмундировании.

Они рассмеялись, а потом Фива спросила – почему так происходит, если происходит? И бабушка объяснила, что у человека кроме видимого тела есть ещё невидимые.

– Их ровно пять, как пальцев на руке. Мы в них, одно в другом, как матрёшки. Когда они в совпадении – мы сильнее и крепче. Так что потоки крови промеж ушей – это только способ для соединения всех пяти тел в одно единое тело, в одну общую матрёшку, или, скажем так, общую материю. Причём у каждого свой способ: у меня и у тебя – такой, а у кого-то – другой. Бывает, что по болезням, по недоразвитию все эти тонкие невидимые тела обретаются вокруг нашего видимого тела подобно вееру и лишь мешают нам передвигаться в этой жизни. Человеку, знающему, чего он хочет, впятеро легче добиться своего потому, что он впятеро сильнее обычного человека за счёт собранности своих тел в единую матрёшку, как бы в сжатый кулак из пяти пальцев.

А ещё она сказала, что в каждом теле человек уже пребывал, и каждому телу соответствовал определённый мир, и небо соответствовало. И эти миры, и небо и сейчас существуют. И человеку надо вспомнить себя всего – и видимого, и невидимого. И научиться овладевать каждым телом, чтобы пребывать в них, как он это прежде делал, потому что реальный мир перестраивается – и уже близится и новая земля, и новое небо. И много будет всяких космических катастроф, и, чтобы человеку не пропасть, Бог дал ему множество тел, чтобы, в каждом из них пребывая, сотворил себе новое тело. Сам сотворил, потому что он, человек, создан по Божиему подобию и ему дана полная свобода во всём.

– Ой, бабушка, как это интересно! И как страшно! И откуда ты всё это знаешь?

– Оттуда, – ответила бабушка. – Я там была и краешком глаза уже видела и новое небо, и новую землю.

И чтобы уже не задерживаться в леске, решительно продолжила путь. Фива какое-то время шла молча. Потом сказала:

– Наверное, всё это ты узнала от дедушки – он тоже видел новое небо и новую землю?

Бабушка остановилась.

– Ой, Господи! Ты же ничего не знаешь про дедушку?.. Ну да, ты же была в поле.

Она опечалилась, несколько раз кивнув головой, утвердилась в какой-то своей горькой мысли.

– По осени, в октябре, как раз на Флорентия Солунянина, поехал в Москву, надумал рамок для ульев взять, а главное, у него дымарь прохудился. Говорил: Фифочка, к вечеру обернусь – жди. Я ждала-ждала, а его всё нет. Думала: у тебя заночевал. Уже ночь на дворе, но я крючки не стала накидывать ни на калитку, ни на дверь – авось, вернётся. Может, с кем-нибудь из своих дружков-пчеловодов встретился, медовушки попили и припозднился с отъездом. А то возьмёт ещё и с дружком нагрянет – такое бывало.

Вдруг бабушка спросила: не застудится ли внученька, а то бы они на минутку присели под елью. В кожухах – не страшно.

Они присели на сугроб, устроились напротив друг дружки. (Свою клюкастую палку бабушка по обыкновению рядом воткнула в снег.)

– Легла почивать, сон сморил, но одним ушком бодрствую, слышу сквозь дрёму стукнула калитка – шаги, его и ещё чьи-то, лёгкие, быстрые. Не успела подумать, мол, как хорошо получилось, что не закрылась на запоры, а они вдвоём уже в избе.

– Это ты хорошо сделала, голубушка, что не накинула крючки, а то бы ни в жисть не уговорил Флорентия Солунянина заглянуть к нам.

А уж этот Флорентий, Фифочка, такой представительный, в длинном голубом плаще, с откинутым назад капюшоном, хоть и седой весь, но волос на голове курчавистый. Да и борода и усы под стать, а взгляд зоркий, пронизывающий – даже боязно стало.

А он усмехнулся и озарился весь.

– Да уж я тут только сполняю волю Божией Матушки Небесной. Это Она смилостивилась указать мне, чтобы уважил просьбу твого Флора, мово тёзки, в честь Иверской иконы Божией Матери, ежели, конечно, ты, хозяюшка, не зачинила запоры и ждёшь свого суженого. Так что виной всему – ты сама.

Мой Флорушка выступил вперед, и сердце так радостно затрепетало в груди – мой Флорушка, мой суженый, молодой-молодой! И рубашка на нём белая, как в день свадьбы.

– Ты ли Флорушка?! – говорю ему, а сама знаю – он (рубашку белую с тонюсенькими рубчиками, из белого зефира мы вместе покупали).

– Ты на себя, Фифочка, посмотри! Ты ведь тоже в белом подвенечном платье, и горько расставаться, но это временно.

Обнял меня и жарко-жарко в губы поцеловал, а может, я поцеловала. Мы оба, как на свадьбе, едва не задохнулись в поцелуе.

Бабушка усмехнулась, зачем-то потрогала клюкастую палку. Фива смотрела на неё во все глаза.

Потом меня охватила необъяснимая тревога – что за горькое расставание? Говорю:

– Ты, Флорушка, здесь, со мною, или это сон?

– Сон, голубушка, но я с тобою, потому что тело твоего сна такое же, как и моё тело.

– А где ты сам сейчас? – ухватилась я.

Он посмотрел на Флорентия в плаще, тот насупился, а потом резко так откинул полу небесного плаща. И я, как бы в проёме оконном, увидела деда в леске, посреди пасеки, с новеньким дымарём в руках. И я уже рядом с ним оказалась. А всё кругом цветёт – знойный полдень, пчёлы гудят, и слышен звон горного родника – райское местечко. Мне захотелось, обнимая ромашки, упасть в траву – благодать какая! Но зачем-то говорю:

– Ты, Флорушка, вижу, и рамки для ульев взял, и новый дымарь у тебя, и пчеловодческая шляпа.

В ответ он горько-горько улыбнулся, и сразу же мы оказались в избе. У Флорушки в глазах слёзы, а этот-то Солунянин и говорит:

– Ты, хозяюшка, ни о чём его не спрашивай и не ищи… Через неделю привезут твово Флора как раз те, кто погубил его. Помогут похоронить, батюшка побеспокоится. Ошибка случилась, сошёл с автобуса, а на него люди в форме напали. Повалили, скрутили, тыкают лицом

в снег: «Ты Фрол, ты?!» А он вырываться начал, мол, не Фрол, а Флор. «А дак ты всё-таки Фрол!» – вскричал один из них и лежащего на спине ударил наганом в висок.

Тут опять Флорушка обнял меня и опять поцеловал.

– Не печалуйся о теле, скоро человек научится его из воздуха обретать. А поцелуи мои – на память. Первый, что буду ждать тебя, а второй – ты здесь нужнее. Во всех пяти мирах наступает время нового неба – Звёздного Спаса, или Звёздного Ребёнка. В миру его называют ребёнком индиго, хотя он уже давно не ребёнок, но покудова не примет своей природной силы, будет оставаться хотя и звёздным, но всего лишь ребёнком. А сила у него такая, что, согласно пророчествам святых отцов, ему открыты все пять миров и более того. Как некогда Адам и Ева были изгнаны из Рая, так сегодня Звёздный Ребёнок, повстречав свою земную любовь, может помочь человечеству вновь обрести утраченный Рай. Великие силы таятся в нём.

Они с Флорентием Солунянином переглянулись, и я поняла – сейчас уйдёт. Тогда сжала его руку и говорю:

– Флорушка, оставь мне пуговку со своей рубашки.

Когда сжала его руку, пуговка врезалась в мои пальцы. Он согласно кивнул. Я потянула за ниточку и словно сдула пуговку. Она слетела с манжетки и покатилась по полу, а я испугалась, что сейчас закатится в какую-нибудь щёлочку, – и проснулась. Проснулась, и так отчётливо запомнилось и отпечаталось в памяти, что прокатилась пуговка возле кровати. Встала, включила свет – точно, лежит рядом с ножкой кровати.

– Бабушка, – взмолилась Фива. – Ты покажешь пуговку?

Бабушка сняла варежку, вывернула, и на тыльной стороне обнаружилась пришитая белая пуговка. Фива не удержалась, потрогала пуговку, а потрогав, восхитилась:

– Надо же, на красной варежке – пуговка из другого сверкающего мира.

Бабушка тихо и счастливо улыбнулась внученькиному восхищению. Вернула варежку на правую сторону. Вскарабкалась по клюкастой палке – стало быть, встала на ноги. Они легко отряхнули друг друга от снега и пошли. Остальное – дома.

Глава 5

Кеша посмотрел на часы – пятнадцать ноль-ноль. Слава богу, что не шесть, стало быть, это не сон, подумал и в угоду сомнениям включил телевизор. В новостях извещалось о последствиях землетрясения, произошедшего двадцать шестого декабря близ острова Суматра. Волна-убийца высотою с трёхэтажный дом буквально растерзала всё живое на нескольких островах. Пострадали Индонезия, Таиланд, Шри-Ланка, Индия, есть жертвы даже на берегах Африки. По сообщениям ООН, погибли более ста пятидесяти тысяч человек (и это ещё не окончательная цифра).

Кеша потрясённо опустился в кресло. Он ничего не знал. Однако двадцать шестого, в воскресенье, он проснулся поутру в смертельном поту. С ним произошло нечто подобное тому, что произошло с американским журналистом, который, находясь за тысячи миль от места события, стал свидетелем извержения вулкана Кракатау (1883) – увидел во сне. Более того, необъяснимым образом Кеша стал ещё и участником трагедии.

Он хорошо помнит, как, вдыхая йодистый экваториальный запах, следил за игрой морских бликов, которые в просветах пальм и береговых строений как бы падали с неба. Это чем-то напоминало лёгкий бег пальцев по клавишам фортепиано. И вдруг небо лопнуло, синева отслоилась, океан поднялся и, закрывая солнце, ринулся на сушу. Палаточные навесы, увеселительные аттракционы, стоянки машин – всё сорвалось, скомкалось и разлетелось, точно ненужный мусор. Люди, собаки, кошки – всё в едином порыве бросилось наутёк от смертоносной волны.

Кеша тоже побежал. Впереди него маячила толстая спина европейца, очевидно туриста, бежавшего с белокурым мальчиком на руках. Когда выбегали на дорогу, ведущую к пальмовой роще, мужчина упал. Он выронил мальчика, и Кеша машинально схватил его за жёлтенькую рубашонку, и волна, полная людского крика, накрыла их.

С ужасом, леденящим сердце, Кеша проснулся. В руке он держал небольшой лоскуток материи, который, как ему показалось, оторвал от простыни.

К утру впечатление сгладилось настолько, что, подобрав валяющийся возле дивана-кровати жёлтый лоскуток, Кеша не задумываясь бросил его в корзину для бумаг.

Сейчас же Кеша сидел словно притюкнутый: в телевизоре словно бы прокручивался его сон. Он увидел двухлетнего мальчика, которого спасатели нашли на дороге в нескольких километрах от пляжа. Тележурналист сообщал, что до недавнего времени считалось, будто родители мальчика погибли. Однако, как оказалось, его отец попал в другую больницу. Увидев мальчика, мужчина ничего не смог сказать в микрофон, а только задрожал и, подавляя рыдания, прильнул к сынишке. Весь в ссадинах и кровоподтёках, он был неузнаваем, но когда повернулся спиной, то Кеша узнал его и узнал мальчика.

Некоторое время Кеша продолжал сидеть не шевелясь. Потом взволнованно вскочил, подбежал к корзине и, высыпав содержимое на пол, увидел жёлтый лоскуток. Подняв его, он уловил йодистый запах экваториального моря. И это было главным, потому что он где-то читал, что наша память более всего хранит характерность запахов, так что забыть их или спутать с другими – практически невозможно.

Кеша опять опустился в кресло. На фоне дымовых шашек и дезинфицирующего огня, полыхающего над руинами фешенебельных отелей, теледиктор бесстрастно сообщал, что накануне землетрясения в районе пролива между островами Ява и Суматра были замечены два метеорита, падение которых сопровождалось взрывами. Учёные предполагают, что именно они могли спровоцировать землетрясение, то есть столкновение литосферных плит, океанической и материковой, в результате которого не только возникло цунами, но и вращение нашей планеты ускорилось. Отныне, бесстрастно возвестил теледиктор, время на ноль целых две деся-

тых секунды для всех нас побежало быстрее. Далее он говорил о гигантской высвободившейся энергии, перед масштабами которой человек – всё ещё беспомощное существо. И в качестве наглядной иллюстрации привёл совершенно свежие примеры, когда один за другим два гигантских астероида, едва не столкнувшиеся с Землёй, были замечены людьми с опозданием, так сказать вдогонку.

Впрочем, всего этого Кеша уже не слышал, его внимание сосредоточилось на том, что отныне время для всех нас побежало быстрее. Этот факт Кеша воспринял как чрезвычайный. Во всяком случае, в его душе он отозвался такой непосильной тяжестью, что, не отдавая себе отчёта, Кеша застонал – *никогда, не буду, не хочу*. Слова, которые как будто бы сами вымолвились, несколько ослабили впечатление, произведённое информацией о землетрясении. Мелькнула успокаивающая мысль, что жёлтый лоскуток – просто случайность (необъяснимая, как в случае с американским журналистом), но всё же случайность.

Кеша переключил телевизор на другой канал. Шёл анимационный фильм «В поисках Немо». Синяя королевская рыба почему-то напомнила Фиву. Лицо посветлело, если она – Фива, то он, несомненно, рыба-клоун. Да-да, несомненно, машинально подумал и стал припоминать подробности сна сегодняшнего, то есть с Фивой.

Кажется, она уговорила его сходить в лабораторию. И это ей удалось, потому что он хотел отпроситься у Богдана Бонифатьевича на рождественские праздники. Якобы домой, на самом же деле он хотел провести праздники с Фивой. Однако неплохая мысль. Очень даже неплохая, но торопиться не нужно. Вообще ему надо жить размеренной жизнью, так сказать, войти в свою колею, и всё у него наладится. И все «необъяснимости» в конечном итоге будут объяснены. Да, не надо торопиться, надо жить размеренной жизнью. Лучше всего отпроситься завтра, а сегодня он появится в лаборатории и, как бы между прочим, скажет, что отец звонил – некому крышу на баньке починить.

Кеша, умышленно не торопясь, умылся, привёл себя в порядок – странное дело, но впервые ему не хотелось идти в лабораторию. Наверное, и не пошёл бы, но неожиданно увидел на полу, под дверью, конверт с университетским логотипом.

«Дорогой Три-И, ваше вчерашнее отсутствие нас обеспокоило. Получив письмо, будьте любезны, явитесь на кафедру немедленно».

«Шестое января», и – размашистая подпись Богдана Бонифатьевича, которую ни с чьей не спутаешь.

Кеша несколько раз перечитал письмо – руководитель писал в явном раздражении. Но не на Кешу, нет, потому что именем Три-И он называл его только в хорошем расположении духа. Выходит, что руководитель был раздражён на кого-то другого? Кого?! И тут только Кеша обратил внимание, что письмо датировано не пятым, а шестым января. Этим, казалось бы, незначительным фактом он опять был настолько выбит из колеи, что едва не воскликнул – *никогда, не буду, не хочу*! Но не воскликнул, а только с силой опёрся о спинку кресла.

На первый взгляд его взволнованность была немотивированной. В самом деле, что за беда?! В конце концов, Богдан Бонифатьевич мог ошибиться – простая описка, мало ли? Нет-нет, Кеша откуда-то точно знал, что причина раздражения и факт самого письма кроются именно в этой, кажущейся незначительной ошибке.

Впрочем, Кеша не долго рассиживался. Надев новое демисезонное пальто, которое, встретившись с Фивой, считал счастливым и которое, по его представлению, должно было произвести впечатление на обитателей лаборатории (впрочем, как и любые покупки каждого из них, меняющие внешность), он, тем не менее, облачился в него практически машинально. И не мешкая почти бегом отправился на кафедру. (Тут, конечно, сыграло и то, что предпраздничный день близился к концу.)

Уже на лестнице, увидев, что дверь на кафедру распахнута и какие-то незнакомые молодые люди спортивного вида выносят оттуда коробки с компакт-дисками и папками с докумен-

тацией, Кеша замедлился. Сделав вид, что он здесь случайно, что-то ищет, заглянул внутрь помещения. Ему одного мгновения было достаточно, чтобы увидеть: и другая дверь, непосредственно в кабинет Богдана Бонифатьевича, тоже распахнута.

– Так нельзя, нельзя, надо было их предупредить загодя, – услышал взволнованный голос руководителя. – Сразу производить выемку документов – это же недоверие!

Ему захотелось пройти к нему, ведь в том не было ничего предосудительного, тем более с письмом, требовавшим явиться. Однако что-то удержало Кешу. Нет, не что-то, а предчувствие, что заходить к руководителю именно сейчас никак нельзя.

Молодые люди, орудовавшие на кафедре, подняли головы.

– Вы к кому?

– Я ищу туалетную комнату, – нашёлся Кеша.

– Это в другом конце коридора или этажом ниже, – подсказали ему.

– Пожалуй, спущусь ниже, – сказал он, потому что таким способом хотел узнать: выемку каких именно документов проводили молодые люди из СОИС, службы охраны интеллектуальной собственности, которую иногда, между собою, аспиранты называли СОИ – службой охраны информации.

В том, что они оттуда, он сразу понял по их спортивной подтянутости. Подобные молодчики бывали в лаборатории, монтировали к компьютерам приставки, регистрирующие утечку информации.

Проходя в лифт, он увидел коробку, которую когда-то сам подписал. «Генетика. Поведение приматов. Контрольная группа».

Что-то произошло, подумал Кеша, и на какую-то долю секунды догадка перехватила дыхание. Нет, не может быть, чтобы на его сон отреагировали приборы. Но во сне мнимость реальна. То есть всплеск эмоций на происходящее во сне зачастую даже превышает подобный всплеск в действительной жизни. Сейчас он спустится в лабораторию и всё узнает.

Кеша остановился в зоне «Б». Через общежитие идти не хотелось. Там этих тараканов – с потолка «капают». Когда-то из-за них переехал к Никодиму Амвросиевичу. Конечно, если пробежать через общежитие – окажешься рядом с лестницей. Но она завалена всякими отбросами. Нет-нет, он пойдёт через двор.

Выйдя на улицу и вдохнув чистого свежего воздуха, Кеша повеселел. В свете электрического освещения студенты покуривали, оживлённо что-то рассказывали друг другу, и снег, словно внемля их настроению, искрился, вспыхивал разноцветными огоньками. Кеша вдруг вспомнил встречу с Фивой возле главного корпуса Тимирязевки и неожиданно для себя стал напевать:

– Фифа, Фифочка моя!

Фифа, Фифочка, я – твой!

Он до того увлёкся, что продолжал напевать и в коридоре, идя по его длинным подвальным лабиринтам.

Перед дверью в лабораторию его слегка стукнули по плечу – Зоро! Они обменялись рукопожатием. Коллега подозрительно оглянулся по сторонам. Впервые Кеша увидел его не весёлым и бесшабашным, полным геройской удали, а мрачным и даже потемневшим. Во всяком случае, волосы на его голове отсвечивали не металлической краснотой, а красноватостью торфяника.

– Прекрати, немедленно прекрати!

– Что «прекрати»? – не понял Кеша.

– Немедленно прекрати напевать свою идиотскую песенку, – зловеще прошептал Зоро.

Впрочем, «зловещность» могла показаться, потому что Зоро сообщил, что все обезьяны, и подопытные, и контрольные, с утра напевают этот незамысловатый мотивчик.

И опять Кеша испытал что-то наподобие мгновенного потрясения, на какую-то долю секунды пол ушёл из-под ног, но кресла, чтобы опереться, не было, и он упёрся одной рукой в стену, а другой вытащил из внутреннего кармана пальто уже известное письмо Богдана Бонифатьевича.

– Скажи, сегодня какое число? Когда вы положили его под дверь?

Теперь настала очередь удивляться Зоро.

– Сегодня – шестое.

Оказывается, никакого письма под дверь никто не клал. Вначале Богдан Бонифатьевич хотел кого-нибудь из них послать с письмом, а потом выяснилось, что на кафедре – старый адрес, а нового никто не знал.

– Кстати, из-за этого у СОИС дополнительные подозрения. Они считают, что мы уже сделали какое-то сногсшибательное открытие либо стоим на пороге…

Кеша перебил.

– А что, обезьянки действительно заговорили? На каком языке они напевают?

– Ну ты совсем уже, – крутнув указательным пальцем у виска, заметил Зоро и вернул Кеше совершенно чистый лист бумаги, то есть лист, на котором не было никакого письма. – Просто удивляешь – абсолютно неуместная, дурацкая шутка!

И чтобы сгладить свою опять внезапно прорвавшуюся грубость, пояснил, что, будь так, они бы все уже сидели в наручниках, потому что их лаборатория подключена к другой лаборатории, в которой параллельно с ними велись те же исследования, по существу, дублировались их опыты. И там тоже произошло ЧП, чрезвычайное происшествие.

Что за происшествие, Зоро объяснить не успел, открылась дверь, в проёме нарисовались два плотно сбитых молодых человека. Оценивающе взглянули.

– Заходите, вместе побеседуем.

Один как стоял у раскрытой двери, так и остался стоять. Второй же, пропуская, вышел в коридор, а войдя следом, так плотно закрыл её, что и Кеша, и Зоро почувствовали себя в некотором роде арестованными.

Впрочем, это не интересовало Кешу. Обезьяны! Они не просто кричали, а верещали, словно перед кормёжкой. То есть в крике не было никакого ритма, они называли это их состояние – «обычный голодный ор». Но, как только этот обычный голодный ор подхватывала другая макака или несколько макак, освободившаяся от крика обезьянка действительно начинала напевать хорошо известный ему мотивчик. Особенно удачно это получалось у обезьянок возле его стола, точнее рундука, в котором он прятал рабочие халаты и бахилы.

Чтобы лучше слышать их, он торопливо прошёл вглубь лаборатории. Обезьянка Чита (он всегда выделял её лишним бананом), увидев его, точнее, перехватив взгляд, визгливо заверещала, повиснув на хвосте на верхних прутьях клетки, а потом, как ни в чём не бывало, спокойно спустилась на деревянный настил и миролюбиво стала почёсывать спинку своей соплеменнице.

Обезьяны в других клетках тоже успокоились и как по команде занялись своим обычным досугом. То есть почёсыванием, поглаживанием и выискиванием в своём волосяном покрове каких-то мифических насекомых.

Подскочил охранник. Стал выяснять, что Кеша сделал или произнёс какое, так сказать, волшебное слово, что обезьяны утихомирились. Следом за ним и другой, более рослый детина, угрожающе приблизился.

Кеша пожал плечами – ничего он не делал и не произносил. Бегло окинул взглядом пространство лаборатории, надеясь найти поддержку у коллег, но все отстранённо опустили головы, скрылись за своими трёхступенчатыми столами.

– Почему вы вчера не были в лаборатории?

– Потому что хорошо встретил Новый год, а потом отдыхал, – сказал Кеша несколько с вызовом. – Я и сегодня пришёл, чтобы отпроситься на рождественские праздники.

Охранники переглянулись и невольно заулыбались, мол, хоть один нормальный нашёлся. А то, понимаешь, в праздники они читают Фрейда, Рериха, Блаватскую и даже, понимаешь, офтальмолога Белибердяева. Неприлично громко захохотав, посоветовали Кеше снять пальто, достать чистый лист бумаги и присоединиться к остальным – написать объяснительную записку, отобразить своё времяпрепровождение в течение последних суток.

Дело в том, что какие-то злоумышленники проникли в обезьянник. Заманили обезьян в клетки. Привезли в лабораторию и начали неподготовленные, а может быть, подготовленные, но не санкционированные СОИС опыты. В результате которых большинство приборов выведено из строя, нанесён ущерб университету и другим способствующим организациям на сумму более трёх миллионов рублей.

На вопрос Кеши, что это за способствующие организации, охранники опять переглянулись, но прежнего дружелюбия уже не было.

– Я бы на вашем месте не умничал, а быстрее занялся делом, тем более что чистосердечное признание смягчит вину, – сказал рослый детина в жилете, который вот только что пригласил их с Зоро в лабораторию.

Больше Кеша ни о чём не спрашивал. Положил пальто на рундук. Вынул из конверта чистый лист бумаги, на котором, как он думал, имело место быть письмо Богдана Бонифатьевича, а на самом деле ничего не было – исчезло. И, сев за свой трёхступенчатый стол, задумался.

Глава 6

Остальное – дома, сказала бабушка. Однако услышанное в леске разве можно так просто забыть или выбросить из головы, если оно уже в сердце?! Смерть деда, его приход во сне вместе с Флорентием Солунянином, обещание ждать бабушку и весть о новом небе, о каком-то Звёздном Ребёнке, точнее, о времени Звёздного Ребёнка, которого «в миру» называют индиго. Что всё это значит? Нет-нет, такое не выбросить из головы.

– Бабушка, а где похоронили деда?

– Известно где, на погосте, за деревней Рождествено, рядом с церквушкой, сам батюшка побеспокоился.

– Выходит, всё по слову ангела вышло.

– Именно, именно – и душегубы приезжали, повинились. Ох! – горестно вскрикнула бабушка.

До самой калитки они шли молча, потом Фива спросила:

– О каком Звёздном Ребёнке индиго говорил дед?

В ответ бабушка приостановилась и с такой проницательностью взглянула на Фиву, что Фива, невольно потупившись, покраснела. (Ей показалось, что бабушка знает про Кешу.) Потом, неожиданно даже для себя, рассмеялась. (Она попыталась представить его Звёздным Ребёнком, но не смогла.)

Бабушка уловила бурю чувств в душе внучки, пряча улыбку, отворила калитку.

– Об том мы поговорим после.

Они вошли во двор, и сердце Фивы радостно затрепетало. Всё здесь ей нравилось. И высокое крыльцо с навесом, огороженное низкими широкими перилами, на которых можно было посидеть с бабушкой. И летняя кухня, и банька с поленницей дров. И сараюшка с живностью – козой и курами. И примыкающий к сараюшке небольшой сеновал. Но больше всего ей нравились стол под берёзами, яблоневый сад и новый омшаник в саду. Даже не омшаник, а петляющая тропинка к нему. Летом вся в зарослях смородины и малины. А зимой – в высоких сугробах снега, круто срезанных по краям, так, что, казалось, идёшь и не по тропинке вовсе, а по запутанному лабиринту, ведущему либо в логово чудовища, либо в сказочный дворец.

Возле калитки снег был расчищен, но не полностью, а ограниченным и как бы вытоптанным пятачком. Те же пятачки у крыльца, летней кухни и за оградой денника – у сараюшки. Всё остальное пространство – царство снега и белизны. Причём такое, что уже и расчищенные пятачки воспринимались как неуместные – нарушали гармонию заповедной нетронутости. В особенности бросились в глаза толстый пуховик снега на столе, под берёзами, и змеистый след от валенок к омшанику. Фива вдруг остро почувствовала, что нет дедушки, навсегда нет, – спросила:

– А где у нас лопаты – за летней кухней?

Кивнув, бабушка осторожно поднялась на крыльцо и, присев на перила, стала отговаривать внучку, мол, поздно уже, сама потом всё расчистит. А для Фивочки есть радостное сообщение. Именно сообщение вынудило её каждый день ходить на вокзал.

Фива духом воспрянула, но от решения не отказалась – до темна ещё сколь? Успеет. Да на снегу и не бывает темно. А радостное сообщение пусть до ужина прибережёт. У неё тоже есть кое-что для бабушки.

В общем, сменила полушубок на телогрейку (всё остальное обмундирование на ней оказалось как нельзя кстати) и опять – на улицу. Конечно, бабушка – за ней. Но Фива назад отправила, пусть приготовит настоянный на травах чай, который в городе ей иногда даже снится.

Фива трудилась без устали более часа. Бабушка, выглядывая в окошко, только диву давалась – какая силища в ней. Всё убрала, всё расчистила, а главное – дорожку пробила к омша-

нику, да такую змеистую, словно сам дед помогал ей. Когда бабушка вышла принять работу, первое, что сказала Фива:

– Уж и не знаю, но сдаётся мне, что дед был бы доволен.

Запыхавшаяся, раскрасневшаяся, она так весело засмеялась, что и бабушка в ответ зарделась, отдала палку и, словно лебёдушка, легко проплыла по дорожке взад-вперёд. И заверила:

– Непременно, непременно – Флорушка доволен!

И опять, как при встрече на вокзале, Фива удивилась бабушкиному умению превращаться из одной, ей известной бабушки в другую, хотя и узнаваемую, но совершенно неизвестную. Но больше всего её поразило, что бабушка не воспринимает деда умершим – он для неё живой, находящийся рядом. Когда примеряла просторный платок, сказала, смотрясь в зеркало:

– Ну что, дед, насмотрелся – доволен подарком внученьки? А уж как я, старая, довольна – тому и слов нет!

Подошла к Фиве, обняла и поцеловала.

А потом они ужинали. Еда была весьма скромной: гречневая каша с квашеной капустой и ржаным хлебом и чай со смородинным листом и малиновым вареньем. В общем, как раз такой, какою и должна быть в *строгий пост*.

Затем лепили рождественские пельмени. Что это за прелесть – лепить пельмени и разговоры разговаривать, отдаляя и отдаляя радостную весть, которая уже в каждом предмете и в самом окружающем воздухе наступающего Рождественского сочельника!

Наконец и с пельменями покончили. На широких фанерках Фива вынесла их в летнюю кухню, чтобы за ночь прихватило морозцем. А когда вошла в избу, почувствовала запах леса и родника в знойный полдень. Бабушка стояла на табуретке и заглядывала за икону Божией Матери, точнее, запустила руку за празднично вышитый рушник, в который она была наряжена. Ещё бабушка ничего не сказала, а Фива уже чутьём поняла – цветок, колокольчик. Бабушка осторожно слезла с табуретки.

– Вот тебе весть от ангела Флора, тёзки мово Флорушки.

Протянула белый цветик-семицветик с розоватым пестиком и золотыми тычинками внутри. Так сказать, преподнесла.

– Лежал себе, лежал сухой былиночкой. А это, как раз перед Новым годом, протирала икону Царицы Небесной – слышу, духмяным горошком повеяло, будто из родникового леска. Запустила руку за рушник – вот оно в чём дело! Объявился у нашей Фивы Иван-царевич, добрый молодец.

Взяла Фива лесной цветок и засмеялась всем своим существом, всем своим сознанием.

– Не Иван-царевич, а Иннокентий – Кеша.

Понюхала цветок, а он в её руках ещё сильнее и вольнее заблагоухал, словно и не зима, и не ночь вокруг, а знойный летний полдень.

Пока любовалась колокольчиком и ставила его в кефирную бутылку, бабушка легла отдыхать. А когда подвинула цветик-семицветик к своему изголовью, словно светом голубых зарниц озарилась горница – кристаллы мерцающих звёзд вспыхнули в воздухе. Фива услышала далёкий-далёкий серебряный звон – услышала и тут же уснула.

Глава 7

Задуматься было о чём.

Неистребимая тысячерублёвая банкнота в энциклопедическом словаре, которую дважды «потратил»: на апельсины и шампанское для Фифочки, а ещё прежде одолжил хозяину квартиры Никодиму Амвросиевичу. Давнишнее происшествие с новогодними апельсинами, перетянутыми красной нитью крест-накрест. Синеглазая девочка из прекрасной страны зелёных холмов. Странный сон или сны, в конце концов обернувшиеся для него потерей одного вполне реального дня, а для лаборатории – ещё и потерей дорогостоящего электронного оборудования. В общем, задуматься было о чём.

Он невольно взглянул на экраны почерневших мониторов, на обуглившиеся пучки проводов, на спёкшиеся в коричневые оладьи полимерные трубочки, но не почувствовал ни страха, ни сожаления – ничего. Перед масштабами стихийного бедствия, вызванного цунами и унёсшего тысячи человеческих жизней, всё это выглядело несущественным.

Внезапно зазвонил дверной звонок. Прежде обезьянки всегда реагировали на него, а в этот раз будто не услышали. Только с появлением обслуживающего персонала (двух мужчин и одной женщины в тёмно-зелёных халатах) подняли обычный ор, почуяли, что их забирают на ужин.

Воспользовавшись сумятицей, вызванной перемещением макак в обезьянник, подошёл Зоро и сунул Кеше вчетверо сложенный лист бумаги.

Кеша не торопясь развернул его, на нём на всю страницу были запечатлены они с Фивой, причём в обнимку. Снимок был чёрно-белым и весьма слабо пропечатанным, словно его напечатали на принтере с выработанным картриджем. И всё же изображение было достаточно отчётливым, чтобы узнать их. Он стоял вполоборота, его лица почти не было видно, зато лицо Фивы, обрамлённое вязаной шапочкой, было видно вполне. Какая она красивая, невольно подумал Кеша и строго спросил:

– Где ты взял это?

Зоро указал стол, возле которого он поднял лист. Прямо над ним возвышались главный компьютер и электромагнитор, преобразователь магнитных полей, названный ими в честь писателя-фантаста Толкина *Властелином колец.*

Кеша узнал торец стола – возле него стояла клетка с обезьянкой из контрольной группы, к которой во сне подвёл его Богдан Бонифатьевич. А потом Фива оперлась о Кешино плечо, и все разом вскрикнули: кирдык приборам – сгорели. В ответ Кеша крепко-крепко обнял Фифочку и в потрясении проснулся, потому что обезьянка вдруг стала напевать: «Фифа, Фифочка моя! Фифа, Фифочка, я – твой!»

Кеша молча спрятал изображение во внутренний карман пиджака. Встал. И, захватив чистый лист бумаги (прежде на нём было исчезнувшее письмо Богдана Бонифатьевича), подошёл к столу, на который указал Зоро, и недолго думая положил его на край стола, придавив рукой. И сразу же на листе выступили уже известные строчки руководителя лаборатории, рекомендовавшего Кеше немедленно явиться на кафедру.

– Как это?! – удивился Зоро.

Неожиданно у них за спиной вырос охранник в жилете, потребовал письмо. Кеша, не возражая, отдал, заметив, что письмо сугубо личное.

– Сугубо личные письма мы возвращаем, – парировал охранник и поторопил их – уже все вышли в коридор, а они мешают обслуживающему персоналу вывозить из лаборатории подопытных животных.

Слово «животных» резануло слух. В применении к столь милым и маленьким существам оно воспринималось неотёсанно грубым, но Кеша воздержался от каких бы то ни было заме-

чаний, промолчал. Он не хотел раздражать охранников, более того, побаивался какой-нибудь неосторожностью навлечь на себя их гнев и таким образом подставить Фиву. Ведь её изображение на фоне лаборатории находится не где-нибудь, а у него в кармане. Вдруг его пропустят через сканер, умеющий всё считывать?

В коридоре, как только уединились, Зоро напустился на Кешу:

– Зачем отдал письмо? Прежде чем вернуть его, они поинтересуются – кого именно Богдан Бонифатьевич посылал к тебе? Это же элементарно, Кеша.

Впервые Зоро оживился, в глазах блеснули весёлые огоньки. Было понятно, почему он повеселел. Кешу осенило.

– Помнишь сны, которые у нас были одинаковыми, ты ещё шутил о родстве душ, о психологических близняшках?

Ничего в жизни Кеша не желал сейчас так страстно, как подтверждения факта, которого никогда не было, но который в бесконечности времени, конечно же, был, повторялся в его реинкарнации множество раз.

– А в чём дело?

– Дело в том, – сказал Кеша, – что настоящий виновник неотправленного письма и вообще всего происшедшего в лаборатории – ты, Зиновий. Точнее, твой экстрасенсорный дар.

– Как это? Я бы знал о своих возможностях.

– Совсем не обязательно, – безапелляционно заявил Кеша. – Мы все здесь такие. Когда-то каждый из нас ничего не подозревал о своих возможностях. А потом вдруг раз – и точка. Ты ведь не сразу обнаружил способность просвечивать взглядом, словно рентгеном? Так и здесь.

– Нет, не так, – возразил Зоро. – Тогда я в колодец упал, это было в пятом классе, я даже число помню – пятое августа.

Кеша весьма некстати засмеялся. Зоро обиделся, мол, чего смеёшься?

– Завидую, – нагло соврал Кеша.

На самом деле он засмеялся оттого, что прозрел. На какую-то долю секунды увидел загадочного старца в длинных золотисто-голубых одеждах с капюшоном на голове. Ощутил прикосновение жезла, который, потрескивая, зашипел на Кешином темени, словно опущенный в воду раскалённый металлический прут. Услышал убаюкивающий голос матери.

– А вы, *Досточтимый Отец*, и затворы запечатайте. Сделайте привязку к тому, что никогда не случится, например к ускорению земного времени. Только тогда пусть затворы рухнут…

Вот оно, вот оно в чём дело, обрадовался Кеша. Кажется, все «необъяснимости», которые терзали его, наконец-то сами собой разъяснились. Это же очевидно, что для экстрасенсорных способностей, дремавших в нём, таким «колодцем» стало землетрясение. И в итоге – ускорение земного времени. Раньше Кеша не мог видеть невидимого мира, так сказать, поезд шёл слишком медленно. Теперь время ускорилось – веселей побежали вагоны, и в просветах между ними вполне различимо предстал прежде не видимый мир. Более того, этот новый мир можно было не только видеть, но, наверное, и входить в него?! Во всяком случае, жёлтенький лоскуток, пахнущий экваториальным морем, давал надежду. Даже не лоскуток, а что-то в самом Кеше, вдруг включающееся во сне.

Кеша созерцал себя словно бы извне, откуда-то сверху.

Может быть, так чувствует себя любой, когда накопленное вну количество вдруг переходит в качество? Впрочем, этот философский закон всегда был для него за семью печатями.

Иннокентий Иннокентьевич представил себя конечной пылинкой на самом верху гигантской пирамиды. Да-да, он идентичен мириадам пылинок, но потому, что среди них он есть ещё и самая верхняя, и самая конечная пылинка, он тождественен всей пирамиде. И эта тождественность, и то, что он понимает своё место среди мириад пылинок, есть его новое качество, *именно качество*, которое при всей его внешней схожести с мириадами пылинок обособляет и отличает его от них пониманием своей значимости, то есть *информированностью.*

– Ты что, совсем уже отключился?! В который раз повторяю – чтобы завидовать, надо быть уверенным, что предмет зависти имеет место быть.

– Господи, он ещё сомневается! – очнувшись, вскричал Кеша с несколько фальшивой приподнятостью.

Но Зоро не заметил фальши. Всех честолюбивых людей, даже сверхгениальных, единит один недостаток – они прислушиваются только к тому, что может увеличить их личную власть, а всё остальное, как правило, пропускают мимо ушей.

Кеша перешёл на полушёпот. Он сейчас задаст Зоро несколько наводящих вопросов, на которые он пусть честно ответит не ему, а себе. Да-да, себе, потому что у Кеши нет никаких сомнений в его сверхспособностях.

В этот момент он действительно не сомневался, ему хотелось, чтобы всё, что произошло с ним во сне, привиделось бы и Зоро. На какую-то долю секунды, а может, это длилось вне времени, он вдруг ощутил себя под полотнищем звёздного всполоха, на вершине гигантской пирамиды, в обвале лопающихся пузырьков эха – *всегда, буду, хочу*!

– Может быть, ты наконец задашь свои вопросы? – неожиданно резко сказал Зоро, не скрывая нетерпения.

Как-то вдруг почувствовалось, что он не только гордится своим даром, но и благодаря ему считает себя Заратустрой, неким непризнанным сверхчеловеком, о непризнанности которого, дайте срок, ещё многие пожалеют.

Кеша невольно представил себя на месте птички, подпускающей охотника всё ближе и ближе.

Конечно, рискованно быть мишенью, но ничего не поделаешь – только потакая честолюбию коллеги, он обезопасит Фиву, весьма некстати запечатлённую в лаборатории.

Первый вопрос касался снов – снились ли Зоро в эту ночь какие-либо сны? Если «да», то один из них Кеша готов пересказать. Тот, в котором приснилось, как открывается дверь в лабораторию и появляется он, Кеша, с неизвестной красавицей. Ну, «неизвестной» – сказано слишком сильно, скорей всего, она знакомая Зоро или плод его художественного воображения, так сказать идеал, а ещё точнее – идея. Здесь Кеша прервался и напрямую спросил: кто она?

Видит бог, этот вопрос был самым трудным для Кеши, он буквально окаменел, ожидая ответа.

Зоро усмехнулся, в тёмно-карих глазах блеснули и тут же погасли знакомые весёлые огоньки. В нём как бы приоткрылся клапан, и всё, чего желал Кеша, вошло в него, словно вдруг вспомнилось. Наверное, Зоро сожалел, что рядом нет Мавры – некому оценить его иронию.

– Ты что, её знаешь или хочешь с ней познакомиться? – спросил он.

Кеше показалось, что его с ужасной силой ударили ровно промеж глаз. Он перестал что-либо видеть и соображать. Впрочем, сам Зоро и спас его. Сказал, что для проблемы, которую они обсуждают, этот факт сам по себе не имеет никакого значения.

Кеша немедленно согласился, продолжил пересказ сна, в котором всегда невозмутимый Богдан Бонифатьевич использовал его появление для улучшения показателей опыта, то есть использовал его способности усилителя, или, как они говорили, катализатора. Дальше Кеша особо выделил заявление Зоро, что все приборы зашкаливают. Да, именно это он особенно выделил, потому что якобы именно это было последнее, что запечатлелось в памяти.

– А момент, когда сгорели приборы, когда все выскочили из-за столов? – явно гордясь собою, спросил Зоро.

Нет, такого факта Кеша не помнил.

– Однако согласись, Зиновий, что, не будь меня, моих, пусть весьма скромных способностей катализатора, твои великие способности так бы и остались под спудом, не вскрылись.

– Ты это к чему?

– К тому, что все вы, в том числе и ты с Маврой, считаете Кешу бездарностью. Мол, Кеша – катализатор общего впечатления. Будет драка – Кеша усилит драку. Будет мир – Кеша усилит мир. А сам по себе Кеша ничего не стоит, не велика потеря, если его отчислят, исключат из аспирантуры. Однако же я помог тебе! Я тебе вот что скажу.

Кеша весьма подозрительно оглянулся по сторонам и, хотя вокруг всё было спокойно (обслуживающий персонал выкатывал тележки с обезьянками, коллеги в коридоре мирно покуривали), перешёл на шёпот.

– Может, Кеша и бездарность, но только в окружении бездарностей, но в присутствии одарённого человека Кеша ох как может пригодиться! Неспроста сам Богдан Бонифатьевич уважительно относится к Кеше.

– А, ты вот о чём, – усмехнулся Зоро.

Он посмотрел в даль коридора с устремлённостью полководца, умеющего видеть за горизонтом.

– Если подтвердится, вот тогда посмотрим…

– Что подтвердится, что посмотрим? – изображая придурка, спросил Кеша.

Зоро повеселел, теперь он отливал празднично начищенной самоварной медью.

– Не о том думаете, Три-И, – он похлопал его по плечу, как обычно хлопают младших по рангу или возрасту. – Сейчас надо думать о том, каким образом письмо Богдана Бонифатьевича оказалось в твоих руках.

Глава 8

Зоро решил выгородить Кешу: он скажет сотрудникам из СОИС, что вот только что у дверей лаборатории передал ему письмо. Тем более что Богдан Бонифатьевич именно его посылал в деканат философского факультета справляться об адресе. Кроме того, предупредил Кешу, чтобы ни словом не обмолвился ни о каких снах. Вполне возможно, им будут устраивать всякие очные ставки, ловить на слове.

– Их интересуют не столько сгоревшие приборы, сколько открытие новой энергии. Передача интеллекта на телепатическом уровне, представляешь?

В общем, Зоро предупредил Кешу, что никаких снов никто из них не видел. В остальном – будут выруливать по ситуации.

Получилось, что предупредил кстати. Потому что, как только обезьянки были увезены, а лабораторию прокварцевали и проветрили, в сопровождении Богдана Бонифатьевича появился главный начальник СОИС МГУ. При его появлении охранники встали, и как-то сразу почувствовалось, что они готовы выполнять любые его поручения.

Однако никаких поручений не было, главный был настроен доброжелательно. Прежде всего представился – Агапий Агафонович Акиндин. Своих сотрудников представил: в защитном жилете – старший лейтенант Назар Матвееич Наумов и его напарник – лейтенант Мефодий Онуфриевич Кимкурякин.

Сообщил, что за сгоревшие приборы никто материальной ответственности не понесёт. Рассказал о подобной ситуации в лаборатории великого Резерфорда, которая сгорела во время экспериментов с электричеством. В телеграмме-отчёте на имя учителя Пётр Капица лаконично сообщал, что лаборатория уничтожена полностью, но зато они теперь представляют, что такое электрическая дуга в шесть тысяч вольт.

– Нас интересует, откуда берётся и что это за энергия, которая напрямую материализует мысль экстрасенса? Материализация из ничего – что это?!

Кеша почувствовал, что ему трудно дышать. Вопрос адресовался как бы ему одному. Но он и сам хотел бы знать – что это? Казалось, что сейчас сосуды лопнут или сердце выскочит из груди. «*Никогда, не буду, не хочу*!» – непонятно к кому мысленно воззвал Кеша, и сразу по телу разлились успокаивающие слабость и бессилие. Безвольно свободный, не имея ни карт, ни ветрил, он словно бы поплыл на волнах невесомости.

Между тем Агапий Агафонович напомнил о задачах, стоящих перед лабораторией, о долге каждого учёного перед человечеством. О недавней трагедии в Юго-Восточной Азии, масштабы которой хотя и ужасны, но всё же мизерны в сравнении с предстоящей катастрофой.

– По последним сведениям, до так называемого времени «Х», то есть до столкновения с астероидом Фантом, осталось ровно три года и сто дней.

Агапий Агафонович поинтересовался: всем ли известно, почему, собственно, астероид 2004VD17 больше называют Фантомом, нежели обозначают цифрой в соответствии с присвоенным ему номером открытия?

Оказывается, в секретных инструкциях разъяснялось, что, используя методику русского астронома Н.А. Козырева о фиксации реального местоположения звёзд на небе, учёные НАСА с помощью телескопа Хаббла установили, что в 2102 году состоится ещё одно столкновение с Землёй. То есть спустя почти восемьдесят лет после ожидаемого нами столкновения. Получается, что, перестав существовать после первого столкновения, астероид каким-то образом опять возникнет в будущем небе 2102 года. Ну чем не причудливый призрак, то есть фантом?

Выдержав паузу, Агапий Агафонович немножко порассуждал на тему последствий столкновения.

– Конечно, человечество выживет, но как минимум будет отброшено в каменный век. К сожалению, человечество находится на таком уровне развития, что не в состоянии гарантировать спасения даже для миллионной части флоры и фауны Земли.

Остановился на последних решениях ООН.

– Хотя для предотвращения паники среди населения во всех СМИ имеются инструкции, а по сути, наложено табу на публикации материалов о предстоящей катастрофе, всё же встречается недопонимание со стороны некоторой части молодёжи. А есть и попросту деструктивные силы, готовые ради своих амбиций положить на жертвенный алтарь весь мир.

Поэтому Агапий Агафонович призвал всех к бдительности и сразу же принёс извинения за предстоящие неудобства – для работы в лаборатории будет введена новая схема допуска. И здесь же пообещал, что у амбициозных сил ничего не получится.

– Однако всем надо стараться. Как ни банально звучит, но спасение утопающего – действительно, дело рук самого утопающего.

Посоветовал посмотреть на всё происходящее с простых человеческих позиций, чтобы потом, в ответственный момент, не оказаться слишком близорукими.

В заключение (теперь это не казалось странным) предоставил слово Богдану Бонифатьевичу. Завлаб очень волновался, краснел, потел (вытирал платочком лоб), но высказал надежду, что опыты по изучению *сверхчувственного* продолжатся. А пока на две недели он отпускает всех на каникулы. Попросил Зиновия Родионова и Иннокентия Инютина задержаться, подняться к нему на кафедру. В общем, неубедительно выступил, как-то враз бросилось в глаза, что отныне в лаборатории не он полновластный хозяин.

Да и на самой кафедре, в своём обширном кабинете, он любил, беседуя, прохаживаться взад-вперед. Вдруг застывать напротив собеседника, сомкнув руки на круглом животике. Сейчас же утомлённо и безучастно сидел в своём кресле, а расхаживал Агапий Агафонович.

– У меня один вопрос к вам обоим – каким образом письмо Богдана Бонифатьевича, отправленное в урну и всё это время действительно находившееся в урне, оказалось в руках адресата?

– Элементарно, – сказал Зоро. – Была копия письма, которую я передал Инютину – догнал его в подвале, как раз перед дверью в лабораторию.

И пояснил, что любая бумага, согласно постановлению СОИС, должна оставаться на кафедре, а им, аспирантам, предписано работать только с копиями. И если руководитель опустил оригинал в урну, то это его не касается. Лично он, Зиновий Родионов, если бы не встретил Инютина, просто подшил бы копию в спецпапку, а содержание ввёл в свой компьютер.

– Прекрасно, – сказал Агапий Агафонович, потирая руки. – Теперь остаётся только сравнить наши *индикаторы истины*.

Он открыл шкатулку головного компьютера и усмехнулся.

– Самые плохие показатели мои и Богдана Бонифатьевича. Что касается вас, молодые люди, вы свободны.

Глава 9

Фиве привиделось, что она малышка, сидит у лесного ручья и ожидает синеглазого мальчика, с которым ей предстоит посадить синюю луковицу волшебного цветка. Увидев её, мальчик обрадовался, а потом смутился, боялся даже взглянуть на неё. Они очень старались, а когда посадили цветок, решили прибегать к нему каждый день, чтобы смотреть, как он растёт. Но с тех пор мальчик не появлялся у ручья, и Фива забыла о нём.

Теперь она стояла в саду, и ей почему-то вспомнился синеглазый мальчик, который даже боялся взглянуть на неё. Она стояла под раскидистой яблоней, а дедушка с дымарём в руках наклонялся над ульем, вынимал рамки и над тазом обрезал лишки сот с мёдом. Вокруг царила небесная благодать: щебет и порхание птиц, танцующий полёт бабочек и, конечно, пчелиный гуд, звучащий в пространстве ветвей, цветов и россыпей солнечного света.

– Дедушка, а что это за *время Звёздного Ребёнка*, которого в миру называют *индиго*? Кто он такой? И почему он уже не ребёнок? – спросила Фива почти скороговоркой, показывая всем своим видом, что эти вопросы для неё малозначимы.

В ответ дед даже головы не приподнял, чтобы взглянуть на внучку, – как работал, так и продолжал работать с тою же неторопливостью. Он тоже сделал вид, что и для него её вопросы обыденные.

– *Время Звёздного Спаса* – это и есть *Время Звёздного Ребёнка*, или *индиго*. Это время испытаний человека, его человеческого смысла, когда благодаря *Звёздному Ребёнку* он сможет входить в любое из пяти пространств, соответствующих его телу, а точнее, пяти телам. Но у нового человека, *индиго*, должно быть шесть тел, как шесть граней у медовой соты. Потому что шестигранник – это самая оптимальная и самая устойчивая конструкция.

– *Звёздный Ребёнок* – кто он такой? – повторив вопрос, дед невольно призадумался. – У него шесть тел, он таким родился. Он – сердцевина будущего человека. Ему дано входить в любое из наших пяти пространств. Это талант, положенный ему Богом. А в остальном нет никакого отличия от нас. Мы ведь тоже в своих телах как матрёшки. Умрёт физическое тело, и вместе с ним все энергетические тела отомрут, но духовное, Божие, – никогда, оно вечно. По свидетельству древних мудрых книг, мы здесь, на Земле, для совершенствования своего духовного тела, для нарабатывания *духовного ключика.* Все святые мученики нарабатывали и получали от Бога *свой ключик*. В древних книгах ещё называют этот *ключик Звёздным*, отсюда и *Звёздный Ребёнок.*

– А почему он уже не *ребёнок*? – повторила свой вопрос Фива и незнамо чего смутилась, и, пряча смущение, отвернулась – будто разглядывала яблоневые листочки.

Дед не торопясь, поставил дымарь на уголок открытого улья, стянул с лица защитную сетку (отбросил назад, словно капюшон плаща) и весело, но совсем не обидно засмеялся, мол, того не знает. И потому, что не знает, Фива ещё больше смутилась. Она вдруг почувствовала, что *Звёздный Ребёнок* – Кеша. И вновь, как при разговоре с бабушкой, ей вдруг стало смешно и весело.

– А как его станут называть, когда он перестанет быть *Звёздным Ребёнком*?

– Думаю, его будут называть *Новым Адамом* или, в соответствии с его синей аурой, излучаемой шестым телом, *Адамом-индиго.* Именно он укажет человечеству путь, как обрести утраченный рай. С него-то и начнётся новое небо, потому что наше солнце и наши планеты вошли в пору такого воздействия мировых пространств, что человеку, чтобы выжить, надо уже внутренне перестроиться. Наступает время созревания человека, его духа, которое позволит создавать из хаоса материи одухотворённые формы жизни.

– Кеша – *Новый Адам, Адам-индиго*?!

Ей хотелось воскликнуть: не смешите меня! Но она осеклась – никто ничего не должен знать про Кешу. Но, к её удивлению, дед сказал:

– Смешите, не смешите, но, ежели духовные силы пробудятся в нём, именно с него начнётся новое племя людей – Человечество с большой буквы. Но вот пробудятся ли?! Это, как говорится, бабушка надвое сказала. Может – да, а может – нет. Потому что мало повстречать земную любовь, надобно ещё разрушить заслон великим силам, который в самом раннем детстве был установлен ему. Установлен не по злому умыслу, как заклятие, а как спасительный родительский оберег. Воистину, воистину сказано, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Фива коротко взглянула на деда и испугалась – это не её дед. Седовласый, в голубоватом плаще с откинутым капюшоном, он был не то чтобы страшен – чужд ей, она почувствовала необъяснимую угрозу.

Внезапно чёрная туча, словно тень Змея Горыныча, набежала на солнце, Фива ощутила мелкую-мелкую дрожь яблони, под которой стояла. И внутренний мир, и всё-всё вокруг внезапно стало сворачиваться и сбегаться как бы в огромный вращающийся шар. Шар отдалялся и сжимался, а главное – ускорялось его вращение, и ускорялся бег времени. Он превращался в некую исчезающую пронзительную точку, исчезновение которой связывалось с исчезновением всего земного, в том числе и её самой.

– *Всегда, буду, хочу*! – неожиданно для себя воскликнула Фива, и мир как бы взорвался новым великолепием россыпей цветов и солнечного света.

– Вот-вот, произошло небывалое – время ускорилось. Теперь только эти слова *Звёздного Ребёнка* имеют великую духовную силу. Да-да, если однажды он вдруг скажет в сердце своём, навсегда скажет: всегда, буду, хочу! – затворы рухнут, а вместе с ними – и ваши сегодняшние мечты.

– Но почему мечты? Мы что, умрём? И почему мы должны умереть, если в *Звёздном Ребёнке* проснётся великая духовная сила? Это нелогично.

Ей показалось, что её и Кешино будущее во многом зависит от этого строгого старца.

К её удивлению, он смутился – ей следует самой спросить у своего суженого обо всём, что на сердце. Потому что её суженый и есть *Звёздный Ребёнок*, которому, чтобы исполниться, всего-то и надо отвергнуть – *никогда, не буду, не хочу*. И принять как данность – *всегда, буду, хочу*!

Теперь смутилась Фива. Она, конечно, не против спросить, но его нет рядом. Старец, улыбнувшись, указал глазами на стену.

Это было так странно, вдруг увидеть дверь, которой здесь не должно было быть. Обитая дерматином, с вырванными клоками поролона, она была самой непритязательной на лестничной площадке. Но как раз это сразу и убедило Фиву, что перед нею дверь именно в Кешино жилище. Повеселев, она сказала старцу, точнее – хотела сказать, что узнала её, потому что когда-то она здесь уже была. Впрочем, сказать было некому, старец исчез.

Она постучала. Дверь отворилась довольно быстро, в проёме нарисовался Кеша в накинутом на плечи пальто.

– Фифочка – ты?! – испуганно воскликнул он.

Впрочем, его испуг мгновенно сменился радостью и даже восторгом. Почувствовав, что он совсем уже ошалел от встречи, она засмеялась и, явно стро́жась, приказала, чтобы немедленно собирался – они пойдут в лабораторию, посмотреть его обезьянок.

Пока ждала Кешу, не покидало чувство, что она уже когда-то здесь была. Странно это: не была, а была. Ей даже вспомнилось расположение мебели в его комнате. Кажется, она подняла с пола тысячерублёвую банкноту, подала Кеше, а он смутился, стал складывать её в гармошку, словно шпаргалку. Фива даже отняла банкноту и, положив на письменный стол, на раскрытый словарь, придавила её сверху небольшим прозрачным диском.

Может, всё это снится ей, может, ничего такого не было и нет? И Фива решила, что поступит как бабушка. То есть в момент, когда они будут в лаборатории и все приборы перегорят и выйдут из строя от внезапного избыточного напряжения, она прильнёт к Кеше и возьмёт у него что-нибудь на память. Хотя бы пуговицу с нового демисезонного пальто. Да-да, вырвет с мясом, весело подумала она, уверенная, что ничего подобного не произойдёт, потому что всё происходящее – реальность. Однако что это за реальность, если в ней она загодя знает события, которых ещё не было? Обеспокоенная противоречием, Фива нисколько не удивилась, когда уже в лаборатории едва прикоснулась к плечу Кеши, все враз испуганно вскрикнули – кирдык приборам! Она только и подумала: так всё-таки это сон или нет? Подумала и, воспользовавшись тем, что Кеша обнял её, ухватилась за пуговицу его пальто. Пуговица была большой и слегка вогнутой, впрочем, так казалось на ощупь из-за толщины выпуклого ободка. На самом деле пуговица как пуговица, но вот ощущение её присутствия в кулаке благодаря этой выпуклости было настолько отчётливым, что Фива проснулась.

Проснулась и внутренне вздрогнула – она почувствовала, что в кулаке что-то есть. Что именно?

Тихо, чтобы не разбудить бабушку, Фива поднялась с кровати и, выйдя в прихожую, включила свет. Включила, но так страшно было разжимать кулак, что некоторое время стояла в раздумье. Если в нём пуговица с Кешиного пальто – она узнает. Однако Кешино новое пальто Фива видела по-настоящему только во сне. Конечно, у неё ещё будет возможность сличить сон и явь, но само присутствие пуговицы? Пугаясь необъяснимых догадок, разжала кулак и едва не вскрикнула – на ладони лежала большая пуговица с толстым выпуклым ободком. Фива непроизвольно сжала пальцы.

Стало быть, сон и явь каким-то образом пересекаются и сон материализуется. Однако как это может быть?!

Она опять раскрыла ладонь. Ей казалось, что сейчас непременно что-нибудь произойдёт. Но ничего не произошло. На ладони лежала та же большая пуговица с толстым выпуклым ободком. Пуговица была настолько реальной и непритязательной на вид, что сама мысль о её необыкновенности представлялась более всего необыкновенной. Причём с каждой секундой это ощущение усиливалось, а сон как-то стушёвывался и выветривался из памяти. Не будь бабушкиной пуговицы, Фива, наверное, и Кешину положила бы куда подальше, а потом бы благополучно позабыла о ней. Сейчас же подошла к вешалке, откинула полу своего полушубка и на матерчатый мешочек кармана прикрепила булавкой неизвестно откуда взявшуюся пуговицу. И сразу – тёмно-синий всплеск полотнища, и мерцание звёзд, или это блеск синтетических ниток в откинутой шторе? Но главное – запах цветика-семицветика, который теперь, при приближении Фивы, благоухал с таким неистовством, словно стоял не в кефирной бутылке, а в тени лесных деревь, возле звонкого ручья, где был найден, а точнее, сам дался в руки.

Фива осторожно, чтобы не потревожить бабушку, легла на кровать, укрылась одеялом и, закрыв глаза, почувствовала себя как бы в лесу среди знойного лета. Они с синеглазым мальчиком старательно сажают волшебный цветок. И сразу бабушка – радостно выкапывает синюю луковицу, они с нею возвращаются домой (ходили в церковь на Флора и Лавра – тридцать первого августа). А тридцать первого декабря, тоже на Флора, она встретилась с синеглазым Кешей, *Кешей-индиго*, подумала Фива и, засыпая, улыбнулась. Наверное, бабушка права: их фамильный ангел Флор оберегает её.

Глава 10

Господи, какое это удовольствие – ходить с бабушкой в церковь, слушать рассказы об отце, дядях, тётушках, обо всей родне в пору её комсомольской юности. О том, как жили при советской власти, как избегали в церковь ходить, потому что боялись прослыть умственно отсталыми, а то и вовсе слугами мракобесия.

– Бабушка, а почему комсомольцам нравилось думать, что Бога нет? Они что, не хотели жизни вечной? Им нравилось полагать о себе как о тростнике колеблющемся? Умрём, сгниём, превратимся в навоз – ах, как хорошо! Так, что ли?

– Ну, не совсем так. Во-первых, не все были комсомольцами и не все комсомольцы были комсоргами, которым вменялось в обязанность быть воинствующими безбожниками. А потом, не забывай о главной цели советской власти – построить коммунистическое общество.

– Выходит, что лидеры советской власти получили и в жизни, и в истории как раз то, чего добивались?

– Нет, не выходит. Потому что они не только для себя добивались, а для всех советских людей. Мы же в большинстве своём считали себя советскими. Вот они и призывали нас строить светлое завтра – коммунизм. И представляли коммунизм как земной рай, как Царство Божие на земле, понимаешь?

– Бытиё определяет сознание, бытиё первично – сознание вторично, – сказала Фива.

– Вот-вот, – согласилась бабушка. – На эти темы любил дед рассуждать. «Битиё определяет сознание, битиё первично».

– Он что, часто бил папу?

– При чём тут «часто»? И при чём тут «бил»? Зазря дед никого не наказывал, да и наказывать избегал, предоставлял мне, а уж я, если кто заработал (в том числе и твой отец), шлёпала без зазрения. Когда дед говорил «битиё» вместо «бытиё», он имел в виду, что советская власть гнала всех в коммунистический рай палкой, а насильно мил не будешь, вот и рухнуло всё. Тебе бы об том надо было с ним, дедом, разговоры разговаривать, а я что?

Бабушка как-то враз сникла и так тяжело стала опираться на палку, что Фива вдруг неожиданно для себя сказала – снился ей дедушка, она и его расспрашивала обо всём, что у неё на сердце.

Бабушка приостановилась, выпрямилась, и это уже была как бы другая бабушка, хотя и не грозная боярыня, но весьма строгая старуха.

– И что же он ответил на твои расспросы, если не секрет? – спросила бабушка и вдруг опять сникла, превратилась в неуклюжую старушку в громоздком кожухе и валенках.

– Сказал, что хотя и наступило *время Звёздного Ребёнка*, а всё же он может не исполниться, если не преодолеет заслон-оберег. Всего-то и надо ему отвергнуть – *никогда, не буду, не хочу* и принять как данность – *всегда, буду, хочу*!

– Ничего себе данность! – воскликнула бабушка и, прикрыв рот, заоглядывалась по сторонам, смущаясь своего внезапного восклицания.

А смущаться было кого. Днём шёл снег, а к ночи распогодилось, луна так ярко сияла над макушками деревьев, что полотно дороги казалось белой-белой бумагой, на которой и группами слов, и алфавитной россыпью как бы виднелись люди-буковки. Впрочем, и воздержаться от восклицания Фива Феодосьевна не могла – в этой данности: *всегда, буду, хочу* – она почувствовала гораздо больше неистовости, чем в коде-обереге. А весь опыт жизни ей подсказывал, что добро не бывает неистовым. Наверное, она совсем уж стара, опечалилась Фива Феодосьевна, и принимает за неистовство обычную жизненную силу, свойственную молодости? А может, действительно, уже наступило новое время и необыкновенные способности, данные им

Богом, которые утаивали, теперь уже нельзя утаивать? И они должны быть пущены в оборот, чтобы проявились не только и не столько в родной внученьке, сколько во всех людях?

Фива уже давно пожалела, что обмолвилась о дедушке, но и внутреннее несогласие требовало выхода.

– Я тебя не понимаю, бабушка, ты пугаешься того, чего не надо пугаться. А всё потому, что во всём прежде всего видишь плохую сторону. Но я тебя не виню – у тебя такое зрение, а у меня другое. Сама не знаю почему, но я во всём вижу хорошую сторону. Скажу даже больше, если мой суженый – Кеша, и пусть он на самом деле не *звёздный*, а обыкновенный, всё равно я буду относиться к нему так, словно именно он *звёздный.* Я употреблю все свои способности, чтобы он не прятался от жизни под замком – *никогда, не буду, не хочу*! А радовался ей, отдавал в жизни предпочтение открытости – *всегда, буду, хочу*! И все должны так же поступать. Тогда уж точно мы не пропустим *времени Звёздного Ребёнка.* И он исполнится. Дед сказал, что *Звёздный Ребёнок* есть будущее человека, когда мы разовьёмся, мы все станем такими, как он. И увидим и *новую землю*, и *новое небо*!

– Ладно-ладно, успокойся, – сказала бабушка.

– А то что, люди оглядываются? – с вызовом спросила Фива.

Ей почему-то захотелось огорчить бабушку и всех-всех этих людей, которые спешат к всенощной на праздничное богослужение, а того не понимают, что им всем надо заново рождаться или перерождаться, потому что любое время, в том числе и новое, начинается в человеке и с человека.

– Нет-нет, внученька, будь на то моя воля, я бы твои слова ещё громче высказала.

Она горделиво оглянулась и прошептала, что ныне им надо поторапливаться, но теперь ей точно известно, почему дед, прощаясь, говорил, что она нужна ещё здесь.

– Я буду тебя оберегать.

Фива Феодосьевна так радостно посмотрела на внучку, что она растерялась – хотела огорчить бабушку, а получилось, что обрадовала. Впрочем, любая радость приятнее огорчения, а нечаянная тем более. Ничего не спрашивая и ничего не выясняя, они поспешили к храму – ещё как бы две прописные буковки на белом листе, или на странице Книги жизни? Как бы там ни было, а не этими ли буковками сам себя изъяснял Господь: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец…»

В церкви во время богослужения народу было не продохнуть. Чтобы затеплить свечечку в честь праздника, приходилось её передавать через головы верующих. Надо сказать, что и раньше так бывало, но сегодня и Фиве, и бабушке хотелось самолично поставить свечечки – и за здравие, и за упокоение. И они добились своего.

Несколько раз церковный служка пробирался мимо них с подносом для подаяний, и всякий раз и бабушка, и внученька находили в карманах необходимую денежку. В конце богослужения пономарь опять к ним приблизился. Фива нащупала монетку, так ей показалось. На самом деле, сдавленная со всех сторон, она нащупала пуговку с Кешиного пальто. Шевельнулась, пономарь застыл в ожидании, и тут Фива осознала, что это не денежка. Тогда она другой рукой нырнула за отворот полушубка. Не глядя, достала пятисотрублёвую банкноту (опять же Кешину). Внутренне смутилась, но и отступать было поздно. Точнее, не пожелала она отступать, положила её на поднос, словно копеечку, и, совершая крестное знамение, повернулась к Царским вратам, к образу Спаса нашего Иисуса Христа. Служка и все, кто рядом были, изумлённо раскрыли рты – деревня, она и есть деревня. Но самое удивительное – как только она положила на поднос банкноту, свечи во всей церкви враз как бы вспыхнули, то есть весьма ощутимо прибавили света, в особенности под образами Спаса и Флора.

Многие заметили это чудо, но никак не связывали с пятисотрублёвой банкнотой. И только бабушка, находившаяся рядом с Фивой, мигом всё сопоставив, догадалась о таинственной связи происшедшего с её внученькой. А догадавшись, сама засветилась, словно свечечка.

На следующий день и Фива, и бабушка спали допоздна. А потом были пельмени и чаепитие. Бабушка не могла нарадоваться на внученьку – молодец, во всём видит хорошую сторону, ничего не боится. Поставила заглавной целью относиться к своему суженому словно к *звёздному*. Теперь и ей, бабушке, понятен смысл пребывания на земле, отныне она будет молиться, чтобы желание Фивы исполнилось. Именно-именно потому, что своими глазами видела, как радостно вспыхнули свечи под образами Спаса и Флора. Это они так согласно одобрили направление мыслей и действий внученьки.

Уже на вокзале бабушка напутствовала Фиву, чтобы блюла себя и цели своей не меняла. А за цветик-семицветик, оставленный в кефирной бутылке, не беспокоилась. Бабушка вновь положит его за иконку – до лучших времён, то есть до новой встречи с нею, внученькой.

О Господи, неужто наступает *Время Звёздного Спаса*?!

Глава 11

Фива вошла в вагон, и едва присела у окна, как поезд тронулся. Она даже толком не успела помахать бабушке. Впрочем, все её мысли были о Кеше. Единственный раз, когда стояла на перроне, мелькнула мысль – домой заскочить, но тут же и улетучилась. Она, если получится, на Восьмое марта приедет. А сейчас перво-наперво ей надо встретиться с Кешей. В её решении относиться к нему как к *звёздному*, то есть необыкновенному, прежде всего был вызов. Но после того, как бабушка одобрила его и напутствовала: *не менять своей заглавной цели*, Фива почувствовала, что Кешина жизнь не просто пересеклась с её жизнью, а отныне их жизни слились в одну, во всяком случае, будут идти рядом.

Самое удивительное, что это чувство не страшило её, а радовало, придавало уверенности в себе. Хотя она, конечно, понимала, что любая другая девушка на её месте вряд ли обрадовалась бы. В особенности столкнувшись с фактами, с которыми ей довелось столкнуться. Впрочем, и в этом она находила радость, потому что ощущала, хотя и косвенным образом, свою избранность. То есть что именно она суженая Кеши. Да-да, она, а ни какая-то другая. Правда, вместе с уверенностью вползал в грудь и холодок тревоги – как он встретит её после всего, что произошло с ними? Ведь он не знает, что она – суженая. Однако главное – встретиться.

Она украдкой достала пуговку, оторванную во сне от Кешиного пальто, и, насладившись созерцанием, так же украдкой спрятала, чтобы через некоторое время опять достать её. Всё это она проделывала почти машинально, однако холодок тревоги угасал именно в момент созерцания. Если бы Фива была в другом состоянии, то непременно заметила бы влияние пуговки на перемену в её настроении. Но, думая о Кеше, она не чувствовала себя, весь её внутренний мир как бы растворялся вовне. Так что и ответы на всё, что тревожило, она искала не в себе, а вокруг.

В очередной раз созерцая пуговку, Фива опять подумала не о внезапном облегчении, навеянном этой самой пуговкой, а о том, что главное – встретиться с Кешей, остальное…

Неожиданно мысль перескочила. Она вспомнила давнишний поход с девчатами в так называемый ночной клуб. Тогда, вернувшись из полевой экспедиции в свою завалюху на курьих ножках, они решили поужинать в каком-нибудь недорогом, но уютном ресторанчике, так сказать, отпраздновать возвращение в столицу.

Вечная заводила Агриппина Лобзикова, зная привычку Фивы не покидать свой жилой район в угоду любым увеселительным мероприятиям, загодя подговорила свою подругу Ксению Баклажкину (такую же, как и она, квартиросъёмщицу в завалюхе), мол, на примете есть такое заведение – они бывали. И недорого, и сервис на высшем уровне. Единственный недостаток – далековато. Зато новая библиотека МГУ рядом и вся Москва из окна кафе как на ладони. А уж музыка – кайф, закачаешься!

В общем, уговорить Фиву. Увы, ничего не решилось.

Кафе оказалось вовсе не кафе и не рестораном, а одним из тех клубов, что во множестве стали возникать после публикации сообщения в «МВЧС» («Международном вестнике чрезвычайных ситуаций») о новых расчётах траектории астероида Фантом. Расчёты представил некий молодой учёный из Института физики небесных тел. Представил как частные, взятые за основу его дипломной работы. Из расчётов выходило, что вероятность столкновения астероида с Землёй равна соотношению не один к ста, как прежде считалось, а один к одному. В крайнем случае один к десяти.

Сообщение было набрано петитом и без комментариев. Впрочем, какие комментарии могли быть к публикации под заголовком «Наобум»? И всё же именно после неё повсюду стали множиться так называемые клубы по интересам. В большинстве интерес сводился не к тому, как выжить или, во всяком случае, не потерять человеческого лица перед надвигающейся ката-

строфой (конечно, были и такие клубы), а, напротив, как уйти из жизни, не считаясь ни с чем. Естественно, что в этих заведениях во главу угла ставились уже не добродетели, а пороки. Всякого рода наркомания, разврат, непотребные шествия, самоистязание, насилие и прочее-прочее. Казалось, что завсегдатаи таких клубов обуреваемы только одной страстью – во что бы то ни стало пасть, причём пасть настолько ниже плинтуса, чтобы уже и гибель Земли для них была справедливой карой небесной.

Когда Фива вместе с подружками остановилась у вывески «Сталкер», на пороге вырос радушно улыбающийся швейцар, во всяком случае, им так показалось. Сияя серебряными позументами, он не спросил у них членских билетов, а, услужливо отворив дверь, пригласил войти.

Вначале под предводительством швейцара или человека, изображающего швейцара, они миновали несколько проходных комнат. Потом оказались в затемнённом зале (лампы едва просматривались под плотными зелёными абажурами). На диванах и креслах в напряжённом ожидании сидели какие-то таинственные личности. (Они как будто ждали первого, кто войдёт.) Однако на их появление не среагировали, то есть как сидели, так и продолжали сидеть. Естественно, что такая неадекватная реакция насторожила – куда они попали?

Фива уже давно поняла, что Агриппина и Ксения солгали ей. Они никогда не были в этом так называемом кафе. Теперь же по тому, как испуганно стали оглядываться назад, догадалась – в любую секунду девчата готовы дать дёру.

– Нав-верное, эти т-таинственные л-личности и есть ст-тал-керы?! – заметно заикаясь, спросила Агриппина Лобзикова. (До этого она не заикалась.)

– Ну уж! Больше всего они похожи на самоубийц, – как всегда грубовато и безапелляционно, правда, на грани отчаяния, констатировала Ксения Баклажкина.

– Пожалуй, можно сказать и так и эдак, – согласился сопровождающий и пояснил: – И то и другое верно. Каждый из этих людей, на первый взгляд странных, является действительно сталкером, проводником, причём лучшим в своём роде.

– Проводником куда? В мир иной? – со смелостью отчаяния спросила Фива.

Девчата в ужасе остановились. И, наверное, бежали бы, но так называемый швейцар, весьма галантно взяв Фиву под руку, неожиданно ловко распахнул следующие двери. Широкие, двустворчатые, они вели в огромный ярко освещённый зал с колоннами и паркетом, под потолком которого красовался транспарант: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!».

По обе стороны зала вдоль колонн стояли П-образно состыкованные столы, ломившиеся от яств и вин. Люди, раскрасневшиеся от выпитого и съеденного, возбужденно разговаривали между собой. В зале стоял тот особый гул торжества, которое наконец-то собрало всех близких родственников.

Из-за колонны вынырнул молодой человек в розовом смокинге и розовой бабочке, надетых на голое тело.

– Генерал, именинник интересуется сокровенным – огонь, вода, петля, пуля, нож или прыжок из бездны?

Фива решительно высвободила руку, отстранилась от сопровождающего.

– Мы не туда попали, немедленно проводите нас назад, на улицу, – строго сказала она.

В голосе появилось нечто такое, что заставило подчиниться.

Сопровождающий нехотя пожал плечами, мол, как хотите.

У выхода опять появился молодой человек в розовом смокинге и розовой бабочке.

– Именинник извещает вас, что главное – встретиться со своей судьбой, остальное само решится.

– А кто именинник? – спросила Агриппина, явно осмелев у выхода.

– Известно кто – я, – ответил странный молодой человек.

Ответ был настолько неожиданным, что все, в том числе и Фива, изумлённо воззрились на него.

Он был более чем белокурым. Он был альбиносом. Кожа лица, брови и волосы на голове сливались, как молоко. И только глаза – зрачки, налитые кровью, даже боязно смотреть в них.

Однако именинник первым смутился, отступил в тень.

Открывая дверь, генерал или швейцар, похожий на генерала, подтвердил:

– Да-да, он именинник.

– И всё же главное – встретиться с судьбой, не разминуться, остальное само приложится! – неожиданно громко, словно бранясь, прокричал в спину именинник, и дверь захлопнулась.

Здесь, в электричке, Фива настолько отчётливо услышала его слова и стук захлопывающейся двери, что невольно оглянулась. А оглянувшись, пришла в себя: «Этот именинник-альбинос прав, главное – не разминуться с судьбой». Почувствовав в кулаке Кешину пуговку (её толстый ободок), Фива радостно улыбнулась – она не разминётся.

Глава 12

Оставив кабинет Богдана Бонифатьевича, Кеша и Зоро вместе спустились в лифте. Они почти не разговаривали. Перебросились парой фраз о том, чем займутся в предстоящие две недели внезапных каникул, и разошлись.

Зоро шепнул, что побаивается прослушивающих жучков. Служба охраны информации наверняка обладает неисчерпаемыми техническими возможностями.

А Кеше вообще не хотелось ни с кем разговаривать, тем более с Зоро, который вот только что бросил тень на Богдана Бонифатьевича, своего научного руководителя. Дескать, он, Зоро, обязан работать с копиями писем, а где оригинал – его не касается. Так-то оно так, но получилось весьма подозрительно: почему руководитель, опустив письмо в урну, не отменил своего распоряжения? Конечно, Кеша знал, что отменять было нечего, никто его не разыскивал и в прямом смысле никакого письма ему не передавал. Однако начальник «соишников» Акиндин этого не знал, и немудрено, что уже заподозрил Богдана Бонифатьевича в целенаправленном обмане. Да-да, заподозрил! Это было видно по тому, как он самодовольно усмехнулся, заявив, что самые плохие показатели индикаторов истины – у него, Акиндина, и у Богдана Бонифатьевича. А его резюме? «Что касается вас, молодые люди, вы свободны». Только глухой мог не услышать в его голосе «немотивированного» сарказма.

Ловко, весьма ловко Зоро «навёл тень на плетень». Опасный человек этот Зоро. Но, с другой стороны, Зоро-то как раз и ни при чём. Всё дело в нём, в Кеше. Это по его вине «соишники» взялись за лабораторию, а Зоро подставил научного руководителя. Это благодаря ему происходят необъяснимые паранормальные явления. Да-да, наконец-то и он упал в свой «колодец», но ясности как не было, так и нет.

«Что касается вас, молодые люди, вы свободны», – опять отозвалось в сознании Кеши, и он подумал, что ещё никогда в жизни не был так фатально несвободен. Более того, чувствовал, что эта вошедшая в плоть и кровь несвобода никогда не отпустит его, пока не разберётся, кто он и что он. Все эти сны, материализующиеся в реальность… И реальность, кажущаяся сном…

Однако самого главного он добился – убедил Зоро, будто бы это его сны стали причиною аварии в лаборатории, и тем самым обезопасил Фивочку. Кеша потрогал их совместный портрет в кармане, и сердце учащённо забилось. Даже мимолётная мысль о Фиве меняла не только настроение Кеши, а как бы и физическое состояние тела (оно становилось лёгким, подвижным и ещё эфирно текучим, что ли). Такого за собой прежде не замечал.

Кеша шёл мимо памятника Михайло Васильевичу Ломоносову, вынужденно остановился (ноги не касались земли), опасливо оглянулся на стайку молодых людей, шумно разговаривающих и вдруг умолкших. Наверное, они заметили его шествие по воздуху, подумал он, но как-то уж очень отстранённо, словно не о себе подумал, а о ком-то постороннем.

Внезапно вспомнились хроники современников Ломоносова о том, что он, Михайло Васильевич, был великим ясновидцем. Иногда сама императрица пользовалась его услугами.

То ли перемена в мыслях как-то изменила его состояние души, то ли ещё что-то, но Кеша вновь ощутил асфальтовую твердь.

– Нет, пацаны, я пас – больше никакого вина! У меня уже и так галлюцинации – люди по воздуху ходят!

На заявление товарища группа молодых людей отозвалась дружным весёлым смехом. А Кеше вдруг стало грустно, и это была какая-то новая грусть, никогда прежде не посещавшая. Грусть обо всём человечестве, его скорбях и о своём невыразимом одиночестве. Да-да, одиночестве. Потому что отныне он не сможет, подобно этим парням, весело смеяться. Между ними – непроходимая пропасть. Да-да, пропасть. Он отделён от всех людей своими, внезапно проявившимися паранормальными способностями, с которыми как-то надо жить.

Может, надо отказаться от них, воспользоваться заслоном – *никогда, не буду, не хочу*? Всё существо его передёрнулось в негодовании. Каким заслоном – Фива в опасности! Как-то же другие люди живут – и ничего? Напротив, если вдуматься, то это даже очень хорошо, что он обрёл сверхспособности. Теперь только их и возможно употребить, чтобы не подставить Фиву и не привлечь внимания «соишников». (Кешу пробил холодный пот.) Чтобы употребить сверхспособности, надо уметь пользоваться ими, как пользуется любой человек зрением, обонянием, слухом. А этим-то он как раз и не может похвастаться, они действуют в нём непроизвольно, как бы в отдельности от него. Словно кто-то посторонний управляет ими.

Ему сделалось и вовсе не по себе. И тогда он решил, что надо встретиться с Фивой и с отцом, но прежде – с отцом. Он объяснит, что происходит! Кешей овладело невыразимое ощущение одиночества, даже не одиночества, а одинокости, словно он вдруг ступил на чужую планету. Ему даже пригрезилось, что он идёт не по площади, сверкающей праздничной иллюминацией, а по безбрежному пустынному полю, в скачущей круговерти вьюги.

Неожиданно прямо напротив Кеши распахнулась дверь какого-то ресторанчика, и с низкого крылечка, вслед за усатым человеком в серебряных лампасах, сбежали на тротуар три девушки. Он невольно отпрянул и обмер: среди девушек была Фива.

– Фифа?! – обрадованно воскликнул Кеша и простёр руки, чтобы обнять её. Но она, словно голографическое изображение, прошла сквозь его объятие и, поравнявшись с другими девчонками, растаяла.

После всего, что с Кешей происходило, он не очень удивился призракам. Явилась мысль, что в его душевном состоянии, в котором он пребывает (он встревожен и не контролирует своих чувств), паранормальные способности проявляются подобно слуху, зрению, то есть обычным чувствам. Отсюда и реакция на памятник Ломоносову – он увидел его как экстрасенс, подключивший необъяснимое сверхчувственное восприятие. Именно поэтому явилась мысль об учёном как о ясновидце, которая тут же отозвалась в нём как бы внезапной левитацией. Своеобразный рефлекс на раздражение некого паранормального нерва, точнее нервного узла. Более того, Кеша вдруг почувствовал, что точно знает – Фива с девчатами была здесь по осени и покидала заведение в спешке, причём изрядно напуганной. Вот это «напуганной» – его взволновало.

Он подошёл к переливающейся огнями вывеске, на которой красовался герб заведения – портрет молодого человека в бабочке, надетой на голое тело.

«Сталкер» – гласила вывеска. На ней же, чуть ниже пояснялось: «Клуб индивидуумов, приобщающихся к тонкому миру». В окне на специальной доске было вывешено объявление, написанное красным маркировочным карандашом: «Клуб работает круглосуточно без выходных. Дирекция гарантирует высокое качество услуг для всех членов клуба независимо от возраста».

Вновь распахнулась дверь. Кеша внутренне вздрогнул. На крылечке появился усатый человек в серебряных лампасах. Девушек, естественно, не было.

– Прошу-с, заходите, – на манер лакеев позапрошлого века, учтиво кланяясь, пригласил служитель клуба.

В раскидистых усах и приплюснутой фуражке с блестящей кокардой (гербом клуба), он производил какое-то двойственное впечатление гармонии и дисгармонии одновременно. Наверное, виною был его смокинг, побитый молью и отдающий нафталином. То есть как бы побитый и как бы отдающий. На самом деле писк моды и пик взлёта текстильной и парфюмерной промышленности, смело отозвавшихся на эстетику ведущих российских кутюрье.

Впрочем, и сам швейцар как индивидуум прибавлял двойственности. Молодой, сверкающий белыми зубами, он являл собою не только вопиющее противоречие пронафталиненному наряду, но и придавал ему какую-то потустороннюю гармонию. Да-да, гармонию, потому что конопатая с желтизной кожа на его лице была как бы иссечена оспой и структурно переклика-

лась с «побитым молью» костюмом. Эту гармонию структур Кеша ощутил внезапным страхом, вдруг проросшим сквозь кожу и вздыбившим волосы.

Дирекция заведения гарантировала качество услуг для всех членов клуба независимо от возраста. Зачем это бессмысленное уточнение?! Так уж и бессмысленное? Ой ли!

– Скажите, а клубы «Харон», «Орфей и Эвридика», «Медиум» тоже ваши? – подавив внезапный страх, спросил Кеша.

– Совершенно верно, всё это клубы сети «Сталкер», или, как мы поясняем в лицензии, сети «Спасатель».

– И многих удалось спасти? – невольно усмехнулся Кеша.

Ему вдруг открылось, чем были напуганы девушки. Они были напуганы психокоррекцией пространства, в котором, грубо говоря, мог нормально себя чувствовать только ненормальный. Гармония антигармонии – вот в чём была причина страха. Причём такого, что, ступив за двери клуба, тут же хотелось бежать из него. Да-да, куда угодно, лишь бы бежать. Даже расставание с жизнью казалось вполне приемлемым избавлением от этой так называемой потусторонней гармонии.

– Присядем, – предложил усатый.

В полумраке огромной проходной комнаты, уставленной столами с лампами под зелёными абажурами, сидели какие-то загадочные личности, как будто бы кого-то ожидавшие и в то же время настолько погружённые в себя, что не замечали окружающих. Во всяком случае, на появление Кеши никто из них не среагировал: как сидели, как манекены, так и продолжали сидеть.

– Вам не стоит бежать, вы – наш, – сказал служитель клуба, усаживаясь за круглый стол напротив Кеши. – Вы вернётесь к нам потому, что от себя не убежишь.

Кеша почувствовал по всему телу как бы мельтешаще-пляшущие уколы иголочек, какие случалось чувствовать в сауне после ледяной купели. Иголочки пробегали волнами, как бы разбегаясь и скатываясь с плеч. Единственное отличие: в области висков и шеи они образовывали некий устойчивый полукруг, от которого как раз и исходили наподобие волн от камушка, брошенного в воду. Ощущение этих мельтешащих по телу иголочек не было в диковинку. Им сопровождались почти все лабораторные опыты, в которых он участвовал как «катализатор».

– Я и не думаю никуда бежать, – ответил Кеша и сказал: – Все эти люди находятся здесь под очень мощным экстрасенсорным воздействием. Чьим? Кого они ждут?

Служитель клуба с бесцеремонностью хищника цепко ухватил запястье Кешиной левой руки.

– Вас, вас ждут! Под чьим воздействием? Мо-им!

Он оскалился. Очевидно, хотел засмеяться в лицо Кеше, но внезапный спазм перехватил его дыхание, служитель застонал, синяя жила на лбу вздулась от напряжения.

Кеша вспомнил, что во время итоговых опытов Богдан Бонифатьевич непременно брал его за руку и тоже за запястье. Они вместе ходили по лаборатории в поисках наиболее сильной энергетической зоны. Тогда ему была в удовольствие цепкость пальцев научного руководителя. Сейчас же прикосновение служителя клуба было похоже на прикосновение оголённого провода. Кешу словно ударило током, да так, что чуть не вскрикнул: *никогда, не буду, не хочу*!

Мысленно произнося эти слова, он всегда, быть может подсознательно, преследовал одну цель – ослабить силу паранормального воздействия. И оно всегда ослабевало.

Кеша и сейчас хотел таким образом защититься от внезапного экстрасенсорного нападения странного индивидуума, но в сознании, как-то независимо от него, вдруг мелькнуло, что во имя Фивы ему надлежит не гасить свои способности, а, напротив, обнаруживать их и овладевать ими. Словом, наперекор себе он изменил направление мысли: «*Всегда, буду, хочу*!» И время остановилось.

Глава 13

Время не может остановиться или бесследно исчезнуть. Если принять его за некое вещество, то закон сохранения энергии более всего справедлив именно к веществу времени. Но что это за вещество, если его нельзя взвесить или измерить линейкой? Если оно не обнаруживает себя, а стало быть, и не поддаётся измерению? Конечно, нельзя взвесить обоняние, зрение или слух, но измерить их остроту – вполне по силам. Вот здесь и обнаруживается самое непостижимое, мы принимаем за единицу измерения то, о чём понятия не имеем, то есть опять же *время*.

Мы говорим: этому человеку пятьдесят лет, а этому дереву – сто пятьдесят. До этой звезды расстояние пять световых лет, а до этой – десять парсеков. (Естественно, нашего, солнечного времени, с тремястами шестьюдесятью пятью днями в году.) Мы как бы пользуемся временны́м стандартным метром или стандартной гирькой, но самоё время как вещество живое здесь не улавливается. Тут для расчёта потребовался бы некий коэффициент квинтэссенции сегодняшнего дня. Потому что время как вещество живое – это сила воздействия и сила ответной реакции на воздействие. То есть взаимодействие между предметом возмущения, скажем так, и возмущающейся средой, на которую воздействует предмет.

В упорядоченном мире природы сила вещей воздействия и сила реакции на воздействие (противодействие) – всегда пропорциональны. Поэтому движение времени осуществляется как бы по прямой, из прошлого – в девятисекундный миг настоящего, и дальше – в многовариантное будущее. Но бывает, что сила предмета воздействия (возмущения) столь велика, что локально, в одном каком-то месте, предмет нарушает геометрию пространства. Он поглощает среду, точнее, втягивает в себя её вибрацию и превращается в «вещь в себе». А «вещь в себе» имеет свойство находиться вне связи с окружающими предметами. То есть быть и в то же время не быть, что свойственно вибрациям будущего.

Если же во взаимодействии произойдёт преобладание силы среды, то есть она поглотит силу воздействующего предмета, то он сейчас же утонет в ней, как бы провалится в прошлое.

Впрочем, в упорядоченном, но невидимом мире природы и среда, и предметы, хотя и находятся в виде однородных электромагнитных полей, сами поля, скажем так, строго пронумерованы характерной для них вибрацией. Как бы далеко в прошлом или будущем ни оказался предмет воздействия (возмущения), он непременно вернётся в настоящее, как только амплитуда колебаний его временно́го поля совпадёт с амплитудой колебаний временно́го поля среды. Предмет как бы выпадет в осадок, явится из ничего. Но в соответствии с вибрацией среды он может навсегда остаться в будущем. То есть как бы в будущем, а на самом деле, не вписавшись в девятисекундное пространство настоящего, сразу окажется в прошлом. Стало быть, будущее может накапливать прошлое, как и прошлое – нереализованное будущее. Целые материки и даже планеты непроявленного пространства, не пересекаясь с настоящим, существуют невидимыми объектами, точнее, некими многомерными энергетическими нишами прошлого и будущего. Движение литосфер, вулканы, вздыбливание и понижение земной коры и как результат землетрясения и цунами – во всём этом или за этим – живое вещество времени, которое мы не улавливаем. Не видим и не предвидим, то есть видим лишь последствия излившейся энергии времени. Мы слепы, а потому наши объяснения времени отрывочны и сумбурны. Живое время неодушевлённого мира даже в катастрофах (в некотором смысле одушевляясь) проходит у нас сквозь пальцы, как вода сквозь песок. Мы уверены, неодушевлённый предмет возмущения не оставляет в ином времени следов присутствия. Во всяком случае, он не способен мыслить, а стало быть, и осмыслить своё присутствие в ином времени и своё возвращение в настоящее время. Его как бы нет нигде: ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Да его и нет, потому что его присутствие – это только присутствие в нём амплитуды колебания вибрации настоящего времени, а лишаясь её, предмет превращается в пыль, в ничто. Неодушевлённый пред-

мет – это только кусочек пространства, завёрнутый в некий пергамент времени. Рвётся пергамент, рассыпается форма предмета, увеличивается пустота пространства – временна́я ниша.

Одушевлённый предмет, тем более человек, наделён душой, Божией искоркой, которая с самого рождения теплится в человеке. Познавая плоть, она являет пример прозрения и лицезрения живого времени. Ведь тело человека без души – тоже не более чем пергамент. Где бы человек ни был (в прошлом, будущем или настоящем, на Земле, на Марсе или на неведомой планете, отдалённой от Солнца на тысячи парсеков), пока он хранит в себе душу, Божию искорку, – спасён. Потому что Бог повсюду, в любой многомерности. И в нас, и вокруг нас. И Он для своей искорки всегда рядом. Потому что Он и есть Живое Время Мироздания, Его Слово, которое было у Бога. Помните:

> «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.*
> Оно было в начале у Бога.
> Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
> В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков;
> *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его*» (От Иоанна. 1, 1–5).

Да и как она может объять, если свет есть жизнь человеков, а жизнь – живое вещество времени? Изнашивается тело, умирает человек. Рвётся пергамент, обнажается Божия искорка, чтобы слиться со своим Создателем, который всегда рядом, потому что для Него нет времени, Он бессмертен, Он Сам – Время, в котором нет ни прошлого, ни будущего, а есть единое многомерно проявляющееся настоящее, которое и есть Он Сам. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний».

Кеша сел в поезд на станции метро «Университет» в расчёте на «Охотном Ряде» перейти на «Театральную», а там уже без пересадок доехать до «Речного вокзала». В принципе, до «Ленинки» – его обычный маршрут на квартиру Никодима Амвросиевича. Однако сейчас он ехал не на квартиру, а домой, к отцу. И с первой минуты, как только вошёл в вагон, почувствовал большую разницу между своей обычной поездкой по этому маршруту и нынешней. Странно это, те же станции: «Спортивная», «Фрунзенская», «Парк культуры», «Кропоткинская», а всё как бы внове. И вагоны, и люди, и даже станции кажутся другими. Чем это объяснить? Настроем. Но что такое настрой? Наверное, это мысль, которая содержит в себе ощущение времени. Его выпуклость, составляющую каждого человека, живущего сегодня, сейчас. Именно это ощущение выпуклости времени, составляющее нас и нашу цивилизацию, является своего рода меткой, родимым пятнышком, которое отличает его от любого другого времени, делает его единственным, неповторимым. Если бы человек будущего под воздействием способствующих сил окунулся в психоэнергию нашего времени, то, несомненно, он оказался бы рядом с нами. Время как физическое вещество обладает массой, а стало быть, тяготением. Попасть в сферу тяготения того или иного времени или светила – это очень понятно поэтам и физикам.

Кеша, как и планировал, перешёл на станцию «Театральная» и продолжил путь. Он и прежде любил в вагоне мечтать или обдумывать какие-нибудь задачи. Сейчас же поймал себя на том, что его мысли, по сути, сентенции, уже кем-то обдуманные и каким-то образом предоставленные ему, он лишь обживает, приспосабливает для своего пользования. (Усмехнулся.) Интонация, как у докладчика на диске, чересчур назидательная.

Он опять отвлёкся, чувствуя не рассудком, а каким-то выходящим за пределы его «я» надсознанием, что в нём уже началась невидимая подспудная работа, которая должна если

не объяснить его паранормальные возможности, то хотя бы предостеречь от нервного срыва. Который, увы, возможен, и явное тому свидетельство – клуб «Сталкер».

Кеша мысленно увидел сузившиеся зрачки человека в серебряных лампасах. Они смотрели глаза в глаза. Обычно так смотрят, когда состязаются, кто кого пересмотрит, кто первый не выдержит и отведёт взгляд.

Человек отдёрнул руку, которой вот только что держал Кешу за запястье, цепко ухватился за край стола. Его словно уносило ветром или какой-то иной невидимой силой. Во всяком случае, на его лице застыла напряжённая гримаса человека, противоборствующего стихии. Тем более странным было, что изо всех сил он пытался навязать Кеше, чтобы он упал на колени, бил поклоны и чтобы ещё и заскулил по-собачьи. Последнее показалось Кеше особенно возмутительным.

Ну это уже слишком, подумал он и сказал:

– Сила, с какою вы обрушиваете удар на стену, – с тою же силой этот удар будет возвращён вам. Тут даже придумывать ничего не надо.

Кешино замечание не столько прибавило сил ему самому, сколько отняло их у человека в серебряных лампасах. Он от напряжения оскалился, глаза вылезли из орбит, казалось, что вспухшая на лбу вена вот-вот лопнет.

– Напротив, я предлагаю вам заскулить, раз уж вам так хочется, – сказал Кеша.

И сразу почувствовал ужасное давление крови и звон в ушах. Боль была не сильной, но какой-то стягивающейся в тяжёлый комок, голова сделалась как бы металлической. Он потерял нить разговора, мысль ускользала, да и был ли сам разговор?! С некоторым усилием вспомнил о своём предложении.

– Да-да, сделайте сами то, что требуете… Это избавит вас от невыносимых мучений, и мы, так сказать, приватно побеседуем на любые темы.

Кеше показалось, что он не думал ни о чём. Тем более о невыносимых мучениях. Он определённо чувствовал, что мысль пришла извне. Её словно бы нашептал некий искуситель, а Кеша лишь смягчил её, сделал более приемлемой.

Оторвавшись от столешницы, человек в серебряных лампасах швейцара внезапно тявкнул и, откинувшись на спинку стула, облегчённо обмяк.

Некоторое время он и Кеша сидели молча. Они словно бы отсутствовали. То есть сидели отключившись, подобно загадочным личностям, неизвестно кого ожидающим под зелёными абажурами. Кстати, личности зашевелились, ищуще заозирались по сторонам и, не скрывая своей внезапной воинственности, уставились на Кешу.

– Не отвлекайтесь – всё хорошо, – успокоил их Кеша.

И опять почувствовал, что переиначил чужую мысль, в которой главным было: «Уничтожим! Всё плохо! Конец!»

Теперь Кеша не сомневался, что, подобно телепату, улавливает чужие мысли. Отсюда и ощущение, будто они являются откуда-то извне, словно кто-то их нашёптывает.

– А что если всю негативную энергию, к которой вы имеете доступ и которую направляете на людей, взять бы да направить на вас, извините, не знаю вашего имени.

– Моё им-мя?

Человек в серебряных лампасах замолк, словно бы поперхнулся, и, обхватив живот, внезапно скорчился в болезненных судорогах.

– Я не сказал, что направить именно сейчас. И именно на вас как на одного-единственного. Уверен, что за вами стоят более важные персоны.

Человек в серебряных лампасах опять откинулся на спинку стула и опять обмяк. Однако чувствовалось, что после встречи с магнетической силой он не был напуган, нет. Скорее он был озадачен и теперь заученно расслабился, чтобы побыстрее восстановиться.

Неожиданно подал голос.

– Если бы вы были агентом СОИС, я бы знал вас.

Он сидел с закрытыми глазами и всё так же безвольно уронив руки.

– Нет, я не агент СОИС, – ответил Кеша.

– Но, возможно, вы, как и я, из аналогичной фирмы? Я знаю, что такая имеется в стенах МГУ.

Человек в лампасах швейцара снова скорчился от мучительной боли. В голове Кеши словно отозвался перекликающийся отзвук затухающего эха: нельзя-льзя-нельзя…

– Имейте в виду, что к воздействию на вас болью я не имею никакого отношения. Во всяком случае, сейчас. Наверное, вы закодированы на момент пользования секретной информацией, отсюда пресекающая боль, – не то предположил, не то подсказал Кеша.

Человек в серебряных лампасах, не поднимая поникшей головы, приоткрыл вначале один глаз, потом другой.

Проницательность Кеши (больше похожая на осведомлённость) не только не напугала его, но даже не насторожила.

Передёрнув плечами, он встряхнулся и, как ни в чём не бывало, пододвинул стул. Он даже руки положил на стол, как обычно это делают уверенные в себе люди.

Кеша насторожился. Человек, изображающий швейцара, не походил на слишком умного, но и на глупого не походил. Вероятнее всего, его уверенность объяснялась надёжным прикрытием или, как ныне говорят, надёжной крышей. Кеша вдруг почувствовал, что именно СОИС обеспечивает охрану клубов сети «Сталкер». Впрочем, чтобы подтвердить знание, внезапно явившееся как озарение, нужна хоть какая-то логика.

«Если бы вы были агентом СОИС, я знал бы вас. Но, возможно, вы, как и я, из аналогичной фирмы? Я знаю, что такая имеется в стенах МГУ», – неожиданно вновь прокрутилось в голове Кеши, и он подумал, что в их лаборатории подобные сравнительные задачи они решали на сверхмощных компьютерах, и всё равно компьютеры отставали от интуиции. Богдан Бонифатьевич даже придумал новую компьютерную программу, по которой логика и интуиция отслеживались по разным правилам. Поначалу, когда ошибались, он частенько наставлял их: есть геометрия Евклида, а есть – Лобачевского, прошу не путать.

Действительно, не надо путать, подумал Кеша и услышал, что прибыли на станцию «Речной вокзал». Конечную. Всех пассажиров просят, покидая вагоны, не забывать личные вещи.

В маршрутку на Зеленоград пришлось садиться с боем, благо, подошёл дополнительный автобус. Когда дверь захлопнулась, водитель подал голос. Неожиданно поздравил всех: «С наступающим Рождеством!» Пожелал, как водится в таких случаях, доброго здоровья, успехов, счастья и, естественно, благополучия. И сразу в полумраке салона стало словно бы светлее, пассажиры облегчённо зашевелились и в ответ пожелали водителю того же. И опять Кеша заметил, что после взаимных поздравлений время в салоне изменилось, стало другим: ласковым и уютным и как будто более медленным и расточительным, то есть совсем не таким яростно быстрым, каким было вот только что ушедшее, когда они брали маршрутку с боем. Во всяком случае, теперь оно располагало к мечтам о доме, о матери (Евгении Ивановне Ильиной), рука которой мягко сползала с кровати и осторожно опускалась ему на голову (он вспомнил, как играл вогнутыми *досо́чками*).

– Кеша, сыночек, возьми у меня под подушкой конфетку. Сегодня Сочельник, а у нас с тобой день ангелов: преподобномученицы Евгении и преподобномученика Иннокентия.

Кеша запускал руку под подушку, а мама привлекала его к себе и целовала. Он вытаскивал конфетку, и они вместе разворачивали и рассматривали фантик.

– Ласточка, птица счастья, – говорила мама.

И опять привлекала его и, целуя, горячо шептала на ухо, что там, под подушкой, есть всё, что он захочет. Это ангелы им принесли, только не надо об этом никому говорить, а то ангелы обидятся и перестанут прилетать.

Кеша опять запускал руку и вытаскивал оранжевый, как солнышко, апельсин, крест-накрест перетянутый красной ниточкой. У мамы влажнели глаза, она снова и снова целовала его. Потом вместе они взрезали ниточкой кожуру и, почистив апельсин, вместе наслаждались не столько сладостью сочных долек, сколько запахом вечного лета.

Кеша откинулся на спинку кресла и крепко-крепко прижал ладони к глазам. Потом повернулся, чтобы открыть окно, но его довольно чувствительно потянули за локоть.

– Молодой человек, вы уронили.

Он оглянулся. Девушка, сидевшая у парня на коленях, держала на ниточке апельсин. Пряча в карман, Кеша сказал:

– Это с детсадовской ёлки.

В салоне вновь все повеселели, и Кеша опять подумал, что время изменилось и в этом времени ему должно хватить сил, чтобы разобраться – кто он и зачем?

Глава 14

В истории людей был период, когда боги ещё царствовали на земле, но земля уже становилась непригодной для их обитания. Потому что истинной сферой их обитания была не земля, а человеческий разум. Это он, разум, воспринял для себя Олимп как место пребывания богов. Это он выстроил храмы и святилища для встреч с богами. А так как все цари (помазанники божии) утверждали, что ведут свою родословную от богов и являются их отпрысками и прямыми наследниками на земле, то какую-то часть функций богов они, естественно, примеряли на себя.

Богов это очень забавляло. Всю черновую работу среди людей за них выполняли так называемые наследники. Им даже не надо было спускаться в храмы и святилища, помазанники божии вполне достойно заменяли их.

Однако фимиам, молитвы, а за ними бесчисленные просьбы, просьбы весьма утомляли богов однообразием. И они решили особо разумным царям и правителям предоставить как можно больше своих полномочий. Их очень веселило, что чем больше полномочий они отдавали людям, тем выше и выше поднимались в их сознании. Так что со временем они смотрели на людей и на их поселения только с высоты Олимпа.

Теперь они не думали о земных делах, а всё больше отдавались своим божественным играм и забавам. Самыми захватывающими, конечно, были войны. Но впечатление от войн всегда ослаблялось тем, что боги бессмертны.

И опять выручили люди. Переняв игры и забавы богов, они не щадили сил, и боги вскоре почувствовали, что наблюдать за состязаниями людей и их войнами гораздо интереснее уже потому хотя бы, что ставкой у них – жизнь. Превратившись в заинтересованных зрителей, боги частенько вмешивались в ход событий не только по причине личных симпатий, но даже из-за пустых капризов. И тогда, чтобы покончить с вмешательствами, боги постановили перенести Олимп в небесную область. И перенесли.

Поначалу отсутствие богов не смущало смертных и тем более бессмертных: они сами удалились в заоблачную высь. Но с течением времени состязания и войны среди людей стали настолько жестокими, что боги содрогнулись и решили вмешаться. Решили, но не смогли. Как некогда непобедимые титаны утратили первенство в разуме богов, а с ним и мощь, так и боги вдруг ощутили, что в разуме людей им уже нет места. Они слишком долго пребывали на Олимпе, люди научились обходиться без них. Так время богов закончилось.

Кеша приехал в Андреевку за полночь. И это ему ещё повезло, водитель оказался из Алабушево, подбросил едва ли не к церкви. Когда красные огоньки маршрутки померкли, Кеша осмотрелся. Земля была припорошена лёгким, почти прозрачным снежком. В свете электрических лампочек он вспыхивал, переливался подобно драгоценным каменьям, а столбы с фонарями стояли точно последний дозор, дальше – село.

Кеша поднял голову – тёмные очертания изб словно придвинулись к нему, а шум города как бы осел и ушёл под землю. Из церкви донеслось праздничное песнопение. И ни ветерка, ни дуновения – хорошо! Вот она Рождественская ночь!

Он прислушался. В церковное песнопение влился едва слышимый скрип колодезного барабана и звяканье ведра. Кто бы это и почему? У них в Андреевке у всех водопровод, а на каждой улице – колонка. Такое впечатление, что как раз возле их дома? Отец говорил, что в эту ночь многое дозволяется не только кудесникам, а даже нечистой силе. Возрадовавшись рождению Сына, Господь Бог и ей попустил почудить. Пусть чудит, а Кеша пойдёт в церковь. Он взглянул под ноги: даже боязно ступать – белое лёгкое покрывало.

Дверь в Спасскую церковь была приоткрыта. Пение смолкло. Осеняясь крестным знамением, Кеша вошёл. Яркий свет. Лики икон. Люди, стоявшие вкруг старенького иерея Василия

(духовника мамы, а потом и отца), вдруг приветственно повернулись, словно ждали именно его, Кешу. И он опять подумал – время в нас самих. Оно непременно имеет цвет, запах, вкус. Наверное, особые люди, избранные, могут видеть его и осязать? То есть чувствовать всеми органами чувств, как мы чувствуем присутствие Бога. Его удаление или приближение к нам. Мы ведь в большинстве живём не столько с тем, что нас окружает, сколько с тем, что проникло и овладело нашим разумом.

– Иннокентий Иннокентьевич, вы?! Голубчик, наконец-то! А то мы уже по второму разу тропари сполняем.

Отец Василий опустил руку, и Кеша, упав на колени, уткнулся лбом в ладонь в ожидании благословения. И отец Василий, как и всегда раньше бывало, благословил.

– Пойдёмте, голубчик, пойдёмте, мы уже вас заждались. Сейчас всем обществом пойдём и заявимся к вам, не упустим счастливой возможности побывать у вас по приглашению вашего родителя Иннокентия Ивановича.

Отец Василий оглянулся на сестёр и братьев, как бы ища поддержки, и они согласно закивали в ответ, мол, им действительно не хочется упускать счастливой возможности. Отец Василий, уходя, стал отдавать обычные для настоятеля распоряжения, а Кеша с изумлением воззрился на так называемое общество, с которым ему предстояло сейчас заявиться домой. Общество удивило молодостью и этим, более слов отца Василия, озадачило. На дворе далеко за полночь, а в церкви в основном парни и девушки от восемнадцати до двадцати лет, самое большее – двадцати двух. Поневоле удивишься.

– Извините, но с моим отцом всё в порядке? – осведомился Кеша у всего общества.

Никого из присутствующих он не знал. Сразу после школы – МГУ, потом служба в армии (Хабаровск, авиация – метеорологическая служба). После армии – аспирантура (изучение сверхчувственного – научный руководитель Богдан Бонифатьевич Бреус). В общем, прошло восемь лет, как окончил среднюю школу. Конечно, дома бывал, этакие беглые наезды на пару дней, с целью поправить финансовое положение до следующей стипендии. По сути, все одноклассники осели в Москве, так что поддерживать какие-либо связи на селе было не с кем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.